

Андрей МАКСИМОВ

ТАНЦЫ В ХОЛОДНУЮ ПОГОДУ
в 2-х частях

Разбивка на акты – по усмотрению постановщика

ДЕЙСТВУЮТ:

МАЛОВ Иван Сергеевич, продюсер

ГАЛИНА Александровна, его давняя подруга

Участники шоу:

АЛЕКСЕЙ – балетмейстер

ЛЕВ

СВЕТЛАНА

ЭВЕЛИНА

ЕЛЕНА

ОЛЬГА

ГАЛИНА. Боюсь, тебя посадят.

МАЛОВ. Ты - единственный человек в мире, который за меня боится.

ГАЛИНА. Да, товарищ Малов, ты не меняешься: по-прежнему больше всего на свете любишь жалеть себя. Нарожал кучу детей, бабы вокруг вьются, одну из них ты – для порядка – называешь своей женой. И всю эту толпу детей и женщин ты, как водится, заставляешь себя жалеть.

МАЛОВ. Я так боялся, что ты откажешься участвовать во всей этой истории...

ГАЛИНА. То, что ты затеял мерзость – это понятно. Но ведь за эту мерзость тебя, правда, могут посадить.

МАЛОВ. Если бы в России сажали всех, кто занимается мерзостью, - в городах вообще не осталось бы пробок в связи с резким уменьшением количества свободных людей.

ГАЛИНА. Смешно.

МАЛОВ. Представляешь, я когда деньги доставал под этот... как нынче принято говорить... проект... приходил ко всяким богатеньким и спрашивал прям с порога: «Вы верите в то, что красота спасет мир?» Они смотрели на меня недоверчиво. Тогда я говорил: «Мерзость – вот, что спасет мир. Надо показать человеку, насколько он мерзок, и тогда он, может быть, одумается». Они начинали смотреть на меня заинтересованно, интересоваться, сколько раз во время трансляции будет упоминаться их фирма.

ГАЛИНА. Придумал? Молодец. Красиво. Когда будешь интервью раздавать, не забудь эту историю, журналюгам понравится. Знаешь, Малов, я вот раньше верила всему, что ты говорил, а теперь – всему не верю.

МАЛОВ. Девочек нашла?

ГАЛИНА. Почему я никак не могу от тебя отлипнуть, Малов? Мне все время кажется, что ты без меня погибнешь. Хотя ты прекрасно живешь, и, главное, столько уже лет прекрасно живешь без меня...

МАЛОВ. Ты потому что Галка – добрая душа. В моем возрасте душу – фиг найдешь, а уж добрую... И вообще, знаешь, бывшие любовницы всегда становятся или главными врагами или лучшими друзьями. Вот потому-то у меня так много врагов, а из друзей – ты одна.

ГАЛИНА. Девочек нашла. Одна из них с парнем.

МАЛОВ. Всего – сколько?

ГАЛИНА. Сколько заказывал – четыре девки и мужик. Как ты просил – не девочки, всем - около тридцатника.

МАЛОВ. Да, это важно.

ГАЛИНА. На кастинг пригласила еще десяток, чтобы эту пятерку как бы отобрать. Чтоб все было, как ты говоришь, по-взрослому.

МАЛОВ. Отлично. Плюс еще хореограф неясной ориентации для общего оживляжа картинки. Итак, двое парней, - четыре девки...

ГАЛИНА. Не мало?

МАЛОВ. Не-а. Пусть бездари берут количеством. А мне нужен образ нашего мира, метафора, срез. Четыре девки – два парня. Чудесно!

ГАЛИНА. И охота тебе этой мерзостью заниматься на старости-то лет?

МАЛОВ. Не охота! Знаешь, вот совсем не охота. Но стареть еще больше не хочется, понимаешь? На свалку не охота. Мне тут премию дали, слышала? «За честь и достоинство в продюсерской профессии». Сразу захотелось повеситься: всё думаю, Ванька, это – финал-апофеоз твоей жизни. Вот я и хочу всем этим недоросткам современным показать, как надо мир переворачивать.

ГАЛИНА. Чего это всем так не нравится наш мир? Чего это все норовят его перевернуть?

МАЛОВ. На кастинг не пойду. Проведем в два тура, чтоб по- взрослому. Сначала ты отберешь уже отобранных, потом они передо мной прошагают. Мне надо, чтобы перед подписанием контракта они выдохлись, понимаешь?

ГАЛИНА. А если не подпишут? Артачиться начнут?

МАЛОВ. Подпишут. Потому что всем им хочется славы и денег. А когда человеку хочется славы и денег, жизнь его становится предельно простой и понятной. И он ее лишними вопросами старается не усложнять. Как циферку гонорара увидят, - так и подпишут. За всю свою, полную чести и достоинства, жизнь, я не встретил ни одного актера, который бы спросил: «И за что это вы мне так много платите?»

ГАЛИНА. И это для будущих интервью запомни. Охота, небось, интервью давать, а, товарищ Малов?

Раздается звонок в дверь.

МАЛОВ. Балетмейстер пришел. Лешенька. Молодец, не опоздал. Ты иди, быстро кастинг проводи. А я тут с ним пока побеседую, объясню, что да как.

ГАЛИНА. Почему, Малов, погибать вместе с тобой мне приятней, чем жить без тебя? *(Не дожидаясь ответа, уходит).*

Входит балетмейстер АЛЕКСЕЙ.

В руках у него – два чемодана.

АЛЕКСЕЙ. Добрый день.

МАЛОВ. Здравствуйте, Алексей. Я прочел ваше резюме. Оно меня устраивает. Задача вам ясна?

АЛЕКСЕЙ. Нечто такое танцевально... эротически... сюжетно...

МАЛОВ. Вы должны сделать не нечто такое, а уникальное танцевальное шоу. Эта ниша у нас в стране пуста. Зарядка под музыку, которая сопро-

вождает всю эту эстрадную байду – в зачет не идет. Это должен быть прорыв в жанре – понимаешь?

АЛЕКСЕЙ. Конечно. То, что вы говорите очень близко моей человеческой, да и режиссерской сути. А сколько участников у нас будет?

МАЛОВ. Четыре девки, двое парней, считая тебя.

АЛЕКСЕЙ. Всего один мужчина? Ну, этого явно недостаточно для танцевального шоу. Да и четырех женщин – маловато...

За кулисами слышен голос ГАЛИНЫ: «Кастинг проведем стремительно. Все встали в ряд. Пошли под музыку».
Издаликает начинает звучать музыка.

Начался кастинг! Я должен быть там, я...

МАЛОВ. Сесть! Запомни на всю жизнь, мой мальчик, балетмейстер должен разговаривать руками и ногами, а не трепать языком. Говорящий танцовщик – это также нелепо, как танцующий член парламента. Понял?

АЛЕКСЕЙ. Я прошу вас: не надо на меня кричать. Моя душа – инструмент тонко организованный... Жизнь не баловала меня коврижками. Я рос без отца, с детства мне не хватало мужской ласки, не хватало подлинного мужского примера, и вот я...

МАЛОВ. Трогательная история. Сумма гонорара тебе известна?

АЛЕКСЕЙ. Нельзя же все на свете мерить деньгами? Можно же как-то по-человечески...

МАЛОВ. Чего это вдруг и именно здесь? Везде, значит, по-скотски, а здесь – по-человечески? Вопросы есть, по сути?

АЛЕКСЕЙ. Я хотел спросить: если мы будем жить в данном помещении безвылазно – имеется ли здесь хороший душ и часто ли меняют постельное белье?

МАЛОВ. Значит, по сути вопросов нет. Леша, ты пойми: это – шанс. Я хочу сделать танцевальное шоу с небольшим количеством артистов, понимаешь? Чтобы каждый был виден. Не брать зрителя толпой, которая под музыку размахивает руками, а чтобы зритель каждого увидел и полюбил... Это должен быть ансамбль, но солистов, понимаешь? Каждый со своим лицом...

АЛЕКСЕЙ. Мм-мм, вот, значит, как. Ну, что ж, интересно, интересно...

МАЛОВ. Запомни, Алешенька- страстный любитель мужских примеров, у меня неинтересных идей не случается. Мои идеи надо слушать и развивать, ясно? Если у тебя получится... А я не позволю, чтобы у тебя не получилось... Так вот, если у тебя получится, ты выйдешь отсюда знаменитым, понимаешь? Тебя будут рвать на части, твое лицо украсит обложки глянце-вых журналов. А в нашем мире, если человек не глядит с обложек на посетителей супермаркетов значит, этого человека и нет вовсе.

АЛЕКСЕЙ. Я предлагал тут главному редактору одному... И деньги и всяческие услуги... Ну, чтобы он поставил мое фото на обложку... Не на первую даже, на последнюю... Он сказал, что я – не медиа-лицо...

МАЛОВ. Будешь ты, Алеша, медиа-лицом... Таким медийным станешь, мало не покажется. Да и вообще...

Входит ГАЛИНА.

ГАЛИНА. Первый тур кастинга закончен. Отобрано пять человек. Будете смотреть?

МАЛОВ. А как же! У нас все по-взрослому. *(Алексею)*. Знакомьтесь: Галина Александровна - директор проекта. Слушаться ее надо во всем. Как меня...

АЛЕКСЕЙ кивает, не вставая с места.

(АЛЕКСЕЮ). Послушай ты, безотцовщина, тебя, что ли, не учили вставать, когда входит женщина!?

АЛЕКСЕЙ *(вскакивает)*. Я не могу в такой обстановке творить! Не могу! Вы меня нарочно терроризируете! Искусство танца надо создавать в атмосфере добра и душевности, потому что танец... Танец – это... А вы...

МАЛОВ. Я тебя не задерживаю. Пока еще можно уйти.

АЛЕКСЕЙ садится.

Еще один подобный монолог, и ты уволен. Причем, сразу и отовсюду. Из таких мест уволен, куда тебя еще не взяли: у меня серьезные связи. *(Галине)*. Начинайте, пожалуйста, Галина Александровна.

ГАЛИНА. Елена, пожалуйста, ваш выход.

Все участники кастинга проходят перед МАЛОВЫМ и АЛЕКСЕЕМ, словно по подиуму: они широко и радостно улыбаются, поворачиваются теми частями тела, которые кажутся им наиболее выгодными.

При этом из динамиков раздается их голос, как бы транслирующий их мысли.

Первой выходит ЕЛЕНА.

АЛЕКСЕЙ вскакивает.

МАЛОВ жестом показывает ему, что можно сесть.

АЛЕКСЕЙ садится.

ГОЛОС ЕЛЕНЫ. Господи, что я тут делаю? Я – взрослая женщина. Чтобы подумала бы обо мне Ирка, если бы меня здесь увидела? Я сказала ей: мама идет заниматься искусством... А этот Малов, если честно - вблизи еще хуже, чем по телеку. Глазки-то... Будто не для шоу выбирает, а для постели.

АЛЕКСЕЙ. Вы как-то подвигайтесь... Попрыгайте, что ли...

МАЛОВ. Молодец, включился.

Не снимая улыбки с лица, ЕЛЕНА пытается двигаться и прыгать.

ГОЛОС ЕЛЕНЫ. И этот туда же... Здесь отбор на конкурс козлих, что ли...

МАЛОВ. Все ясно. Следующий.

ГАЛИНА. Светлана – на выход!

Теперь СВЕТЛАНА в луче света демонстрирует себя.

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ. Только бы взяли меня и Левку. А мне все равно, куда за ним идти... Все равно... Мужчина – это такое существо, за которым постоянно надо куда-нибудь идти. Что ж тут поделаешь?..

МАЛОВ. Достаточно.

СВЕТЛАНА. А я тоже могу попрыгать.

МАЛОВ. Не надо.

АЛЕКСЕЙ. Действительно, давайте лучше мужчину посмотрим. (*МАЛОВУ*). Это же важно, правда?

МАЛОВ. Важно? Наверное... Давайте мужика...

ГАЛИНА. Пожалуйста, Лев, на выход.

Выходит ЛЕВ.

ГОЛОС ЛЬВА. Боже мой, как ботинки-то жмут... Говорил же Светке: жмут мне ботинки. А она – нет, говорит, надень, они к костюму подходят. К костюму, может, и подходят, а к ногам – нет.

АЛЕКСЕЙ. Чудесный какой, чудесный! (*МАЛОВУ*). По лицу видно, что все его мысли поглощены будущей работой.

ЛЕВ. Я когда работаю, ни о чем думать не могу.

МАЛОВ. А когда не работаешь, думать можешь? Следующий!

ГАЛИНА. Эвелина, пожалуйста!

Выходит ЭВЕЛИНА, и, не обращая внимания на музыку, направляется прямо к МАЛОВУ.

ЭВЕЛИНА. Вы видели мою фотку на обложке журнала «Желток»?

МАЛОВ. Во время кастинга разговариваю только я! Туда-сюда пошла, виляя и покачивая.

ЭВЕЛИНА. Не вопрос. (*Начинает под музыку демонстрировать себя*).

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ. Который из них лучше: мальчишка этот... тоже мне – Лев... Или, может, продюсер? Продюсер перспективней, мальчишка моложе... А если оба два и - сразу?

МАЛОВ. Как вы мне уже надоели все! Хватит!

Выбегает ОЛЬГА.

ОЛЬГА. Как хватит? А я? Мне вот эта вот с папочкой (*показывает на ГАЛИНУ*) сказала, что меня тоже отобрали...

ГАЛИНА. Это – Ольга.

ОЛЬГА. Вы только посмотрите, какое у меня все. Смотрите оно вон какое. Хотите, я купальник сниму, чтобы вы получше могли разглядеть?

МАЛОВ. Не надо.

ОЛЬГА. Почему не надо? Вы ж не видели... А сразу – «не надо»... Я, между прочим, когда в стрип-баре танцевала, мужики ломились, чтобы от моих сисек торчать. Только я утомилась от раздевалки, мне искусством хочется заниматься. Здесь будет настоящее искусство?

ЭВЕЛИНА. А от моих сисек мужики торчат безо всякого стрип-бара. Показать?

МАЛОВ. Тихо все! Рты будете открывать, когда я разрешу, ясно? Искусства здесь будет до хрена. Собственно, кроме искусства ничего другого не предполагается. Вы пятеро прошли два тура кастинга. Остался – третий тур. Вам дается буквально пять минут, чтобы сбавить какую-нибудь танцульку. Темпераментно и страстно.

АЛЕКСЕЙ (МАЛОВУ). А мне с вами оставаться или, так сказать, - к народу?

МАЛОВ. Тебе в поле, дружок, - работать. Будешь танцевать вместе со всеми.

Все, кроме ГАЛИНЫ и МАЛОВА, отходят в дальний угол и разминаются для танца.

ГАЛИНА подходит к МАЛОВУ.

ГАЛИНА. А здесь, где мы с тобой разговариваем, тоже установлены телекамеры?

МАЛОВ. Здесь нет. Так что, если захочешь мне что интимное сказать, сюда направляйся.

ГАЛИНА. А там, где они будут переодеваться?

МАЛОВ. Мм-мм. Скрытые телекамеры установлены всюду. Практически каждый миллиметр пространства фиксируется на телекамеру. Это называется шоу «Подсмотренная жизнь».

ГАЛИНА. А в душе и в туалете тоже фиксируется?

МАЛОВ. В душе и туалете - самое интересное. Нет, милая моя, ты ничего не понимаешь в современном шоу-бизнесе. Мы заработаем кучу денег, продавая отдельно кассеты именно со сценами в душе и в туалете.

ГАЛИНА. Малов, если я скажу тебе, что ты сошел с ума, - ты ответишь, что сошел с ума не один, а вместе со всем цивилизованным миром?

МАЛОВ. Хороших нашла девчонок, как надо. Не полоумные дети, а затраханые жизнью молодые тетки.

ГАЛИНА. Длинноногие и не затраханые в душе смотрелись бы привлекательней. Я уж не говорю о туалете...

МАЛОВ. Не-а. Мне надо, чтобы были судьбы, понимаешь? Мне необходимо, чтобы зрители разглядывали на экране не трахающихся подростков, а саму жизнь. Ту самую настоящую, их собственную жизнь, от которой они скрываются и не хотят рассматривать. А я заставлю. «Подсмотренная жизнь» - это то, что мы подсмотрели не у этих недоделанных танцовщиков, а у телезрителей.

ГАЛИНА. У тебя, товарищ Малов, оказывается наполеоновские планы.

МАЛОВ. У меня наполеоновские возможности. Если бы у Наполеона было телевидение, он завоевал бы мир безо всяких потерь, и никогда бы не скатился до Ватерлоо. Все! Хватит трепать! Теперь главное – подписать договора. (*Хлопает в ладоши*). Давайте быстренько. Музыка! Поехали!

Играет музыка.

АЛЕКСЕЙ, ЛЕВ, СВЕТЛАНА, ЭВЕЛИНА, ЕЛЕНА, ОЛЬГА танцуют.

Танцуют плохо. Однако, каждый – в своем характере.

Стоп! Это ужасно! Вы совсем не дрессированы... То есть, не подготовлены.

АЛЕКСЕЙ. А потому что – кто дрессировал? Кто? Профессия погибает. Даже в Большом театре нет подлинных балетмейстеров...

ОЛЬГА. Между прочим, в нашем стрип-баре танцы ставил не кто-нибудь...

АЛЕКСЕЙ. А какой-нибудь хрен недоделанный... Знаем мы эти стрип-бары... Но нельзя же так! Сразу! Потому что ведь искусство – оно ведь, между прочим, требует...

МАЛОВ. Мой мальчик, запомни: если искусство требует жертв, то на хрена нам такое искусство? Впрочем, иного я и не ждал. Ладно. Будем работать. Вы все взяты в проект!

Всеобщее ликование.

Тихо все!

Ликование мгновение стихает.

Меня и Галину Александровну слушаться беспрекословно. Фразы типа: «я думаю», «мне кажется», «я считаю» забыть навсегда. Сейчас все подходят ко мне и подписывают контракты. Прошу особое внимание обратить на сумму, убежден: она вас удивит, причем, приятно.

Все по одному подходят к МАЛОВУ, он показывает сумму контракта, все радостно вскрикивают, подписывают, отходят.

Последней подходит СВЕТЛАНА.

СВЕТЛАНА. Извините, Иван Сергеевич, а можно все-таки прочесть весь договор? Ну, хотя бы проглядеть мельком?

ГАЛИНА. Вы что, Светочка, никогда контрактов не читали?

МАЛОВ. Действительно.

СВЕТЛАНА. Нет, просто интересно: мало ли что.

ЛЕВ. И вообще, второй... этот... как называется...

СВЕТЛАНА. Экземпляр.

ЛЕВ. Вот именно... Должны отдам нам! Контракты всегда подписываются в двух этих вот... Ну, как Светка сказала... Уж это я точно знаю.

МАЛОВ. Вы не до конца поняли то, о чем я вам говорил. Объясняю еще раз. Там, за дверью, стоят десять, двадцать, сто человек, которые за такие деньги мне будут вылизывать жопу, не задавая лишних вопросов. Если кому-то из вас что-то не нравится, сейчас еще можно уйти. Я хочу жирной чертой подчеркнуть: я вас не заставляю ничего подписывать. Итак, кто уходит?

ЭВЕЛИНА. А по телевизору нас будут показывать? Ну, хоть парутройку раз?

МАЛОВ. Вот это я вам твердо обещаю. Телевидение будет активно задействовано в проекте. *(Протягивает СВЕТЛАНЕ контракт).* Ну, так что?

СВЕТЛАНА вопросительно смотрит на ЛЬВА.

ЛЕВ утвердительно кивает.

СВЕТЛАНА подписывает контракт.

(передавая контракты ГАЛИНЕ). Вот и славно. Трам-пам-пам. Как вы знаете, жить вы будете здесь безвылазно, чтобы не отвлекаться от работы. Там *(показывает в глубину сцены)* есть отдельные комнаты для мужчин и женщин, в которых вы будете предаваться редким минутам отдыха.

ЭВЕЛИНА. И долго так кантоваться, как пчелкам?

МАЛОВ. От вас зависит. Пока не сделаете шоу. Месяца полтора гарантирую.

ЭВЕЛИНА. Жесть. Я так долго без секса не могу.

ЛЕВ. Ну, эту проблему мы решим.

СВЕТЛАНА. Ты чего, с дуба рухнул?

ЛЕВ. Шуток не понимаешь?

МАЛОВ. Тихо все! Мобильники сдать Галине Александровне.

ЕЛЕНА. Как? Если честно, я обещала каждый день звонить дочке.

ОЛЬГА. А я – маме. Она – пожилой, больной человек, и...

МАЛОВ. Блин, как же вас всех демократы испортили, а? Ваше мнение, а также – ваши дети, мамы, друзья, менструальные циклы, больное горло, разбитые коленки здесь никого не... Никого, понятно? Сумму видели? Вот так. Телефонные разговоры отвлекают. Равно как и просмотр телевизора, и прослушивание радио.

ЭВЕЛИНА. Полный отстой! Чего еще и телека не будет?

ОЛЬГА. Хоть по плееру-то можно музон слушать?

МАЛОВ. Плееры тоже сдать. Фактически вы на военном положении. Работать, работать, работать! Ради денег и ради славы! Денег – огромных, славы – несусветной. Кому не нужны ни деньги, ни слава – могут отсюда, как говорится – хилить. Сейчас. Потом будет поздно.

АЛЕКСЕЙ. Не знаю, но мне лично такой серьезный подход по большому счету импонирует. Сразу видно, что мы пришли сюда, как говорится, не в бирюльки играть. А то, действительно, вся эта демократия... Она вообще нам чужда, мне кажется... И мы...

ОЛЬГА (ГАЛИНЕ). А плеер вам сдать?

ЕЛЕНА (*доставая из кармана плеер, протягивает его ГАЛИНЕ*). Только не испортите, если честно - дорогая вещь...

МАЛОВ. Вот и славно. Трам-пам-пам. Сейчас Галина Александровна покажет вам ваши комнаты. Переодевайтесь. И – за работу. Репетиция через пятнадцать минут. Вопросы есть? Не слышу криков радости.

Все вяло кричат «Ура!» и уходят.

(*достает из кармана переговорное устройство*). Третий? Я – первый. Включить все камеры. Команда: мотор! С Богом, ребята! Поехали!

Прошло время.

ЭВЕЛИНА стоит с огромным плюшевым медвежонком в руках и дразнит им ЕЛЕНУ.

За ними внимательно наблюдает ОЛЬГА.

ЕЛЕНА. Отдай игрушку, сказала. Урою.

ЭВЕЛИНА. Урыла одна такая. Потом разорилась себе вставную челюсть сочинять.

ЕЛЕНА. Отдай, сказала! Отдай, сука!

ЭВЕЛИНА. Хрен тебе! А подойдешь, я у него глаз вырву. Ой, какой хороший глазик – так и хочется дернуть. (*Дергает за глаз плюшевого мишку*).

ЕЛЕНА. Я тебе ночью дыхалку перекрою, врубилась?

ЭВЕЛИНА. Перекрыла одна такая: до сих пор шепотом разговаривает. Сейчас мы глазик-то выковырнем...

ЕЛЕНА наступает на ЭВЕЛИНУ.

ЭВЕЛИНА отступает. Неожиданно на нее сзади прыгает ОЛЬГА. Небольшая потасовка.

ЕЛЕНА хватает медвежонка и садится с ним на кровать.

(*ОЛЬГЕ*). А ты шустрая какая! Не ожидала... Ну, ладно, девчонки, пойду в душе помастурбирую, что ли, от тоски. Никто компании не составит?

В другом углу сцены – СВЕТЛАНА и ЛЕВ.

СВЕТЛАНА. Тебе здесь нравится?

ЛЕВ. Нормально. Только пашем много. Утомительно.

СВЕТЛАНА. А давай попросим, чтобы нам... это... ну, нагрузки уменьшили. И чтобы телевизор обязательно поставили. Завтра «Спартак» играет, а мы без телека...

ЛЕВ. Малов не разрешит.

СВЕТЛАНА. Только я за компанию с тобой начала разбираться в том, зачем мужики мячик по полю гоняют – так на тебе: оставили меня без ящика... Как ты думаешь, почему здесь нет телевизора?

ЛЕВ. Тебе ж сказали: чтоб мы не отвлекались.

СВЕТЛАНА. Даже радио нет... Мы с тобой на необитаемом острове: ты – Робинзон, я – Пятница, а вокруг – сплошные дикари.

ЛЕВ. Мм-мм.

СВЕТЛАНА. Слушай, а пойдем в душ потрахаемся? А то я без тебя соскучилась... И потом в душе-то нас точно никто не увидит, а тут все шныряют туда-сюда.

ЕЛЕНА и ОЛЬГА.

ЕЛЕНА. Спасибо тебе.

ОЛЬГА. Да ладно... Я просто напрягаюсь, когда издеваются... Не люблю. Знаешь, ко мне мужик в стрип-баре прилип... Причем, не просто так, а типа - издевательски, нагло... Пришлось ему из его яиц яичницу сделать.

ЕЛЕНА. Это правильно. И чего – не выгнали тебя?

ОЛЬГА. Да ты чё? Меня сюда-то еле отпустили. Я ж говорю: мои сиськи – гордость стрип- бара. Не, ну поругали там типа: «Ты следующий раз, Ольгунь, как-то поосторожней все-таки с мужиками». Но - проскочили. Нормально все»... А ты на фига такую огромную игрушку сюда притащила?

ЕЛЕНА. Дура потому что. Если честно, я без дочки очень скучаю. А этот медведь нас как будто связывает, врубаешься?

ОЛЬГА. А чего – нет? Дочка – это хорошо. А у меня мама типа, как дочка. Сейчас сиделку ей наняла.

ЕЛЕНА. Болеет, что ль?

ОЛЬГА. Старая просто. Она меня поздно родила. Представляешь, всю жизнь козла одного любила, а у того семья была. Собственно, и осталась. Хорошо хоть меня догадалась типа родить, а то б совсем с тоски умаялась.

ЕЛЕНА. А ты чего отца не видела вообще никогда?

ОЛЬГА. Да глянула разок.

ЕЛЕНА. И чего?

ОЛЬГА. Яичницу сделала и – гут бай. Слушай, я вот чего думаю: может, мне с Маловым попробовать типа переспать, как считаешь?

ЕЛЕНА. Я думала об этом, если честно. Мой совет: не заморачивайся даже. Представляешь, сколько за ним девок носится?

ОЛЬГА. Но он все равно ведь с кем-то всяко спит? Не с этой же старой метелкой.

ЕЛЕНА. Рискованно... Трахнет, а потом выгонит. Мужик как бабу в своей койке разглядит, так она его после этого почему-то начинает дико раздражать.

ОЛЬГА. Потому что мы им напоминаем, какие они, в сущности, твари.

СВЕТЛАНА и ЛЕВ.

Входит ЭВЕЛИНА, проходит мимо ЛЬВА, нарочито задевая его краем одежды.

ЭВЕЛИНА. Я – в душ. Смыть, так сказать, мерзость уходящего дня. Кто со мной? (*Усмехнувшись, уходит*).

СВЕТЛАНА. Мерзкая какая девица!

ЛЕВ. Нормальная.

СВЕТЛАНА. Мерзкая!

ЛЕВ. Свет, ты, прям, у нас такая правильная: как гаишник. Тебе вообще все девицы не нравятся. И знаешь, почему?

СВЕТЛАНА. Почему?

ЛЕВ. Потому что ты думаешь, что я с каждой из них хочу в койке оказаться?

СВЕТЛАНА. А ты не хочешь?

ЛЕВ. Я нормальный мужик, Светка. Нормальный, поняла?

СВЕТЛАНА. Нормальный – это который с каждой или через одну?

Выходит АЛЕКСЕЙ.

АЛЕКСЕЙ (*хлопая в ладоши*). Быстренько, быстренько, быстренько, отдых окончен! Встали в линейчку. Левушка у нас по центру, я – рядышком. Пошла музыка.

Танец.

Танцуют все уже гораздо лучше, чем в начале.

Вообще, мне кажется, по ходу спектакля танцевальные номера должны улучшаться.

В конце танца появляется МАЛОВ.

МАЛОВ. Плохо. Скучно. Какие-то вы пресные, не сексуальные совсем.

ЭВЕЛИНА. Это я-то не сексуальна? Да по сравнению со мной Мадонна – девственница!

МАЛОВ. Не сексуальная танцовщица подобна гнилому яблоку – ее никто не хочет. Может, вас раздеть? Хоть б до топлес?

ОЛЬГА. Два раза. Ну, почему у нас в стране женщина может заниматься типа искусством, только, если сиськи покажет?

ЕЛЕНА. Если честно, мне будет стыдно перед дочерью.

ОЛЬГА. А мне перед мамой... Она ж про стрип - бар ничего не знает. До сих пор думает, что я такая... В ночную смену трублю.

ЭВЕЛИНА. А, по-моему, нормальная идея. Современная типа.

ОЛЬГА (*подходит к МАЛОВУ*). Я дала себе зарок обнажаться только перед мужчиной. Перед настоящим мужчиной. Типа как вы.

МАЛОВ. Встаньте на место... Ира... Вера... Как вас там?

ОЛЬГА (*ЕЛЕНЕ; тихо*). Не зажгла... Ты была права.

ЭВЕЛИНА. Нет, мне, правда, нравится идея! (*Снимает свитер, кидает его ЛЬВУ*). А тебе, Львеночек, нравится? Поторчи, дорогой, от девушки невинной, то есть, от меня. Ты такого, небось, и не видел никогда...

СВЕТЛАНА. Какая она пошлая, правда, Лёв? А я вот точно не буду раздеваться.

ЭВЕЛИНА (*СВЕТЛАНЕ*). Правильно: тебе какой смысл раздеваться? У тебя, небось, вместо холмов низменности одни.

МАЛОВ. Так... Так... Так... Хорошо зажигаете девушки... Отлично...

СВЕТЛАНА. Я с такой тварью, как ты, вообще базарить не намерена! Накачала силикона и еще возникает!

ЭВЕЛИНА. Да у меня все натуральное и пастеризованное, чтоб ты знала!

СВЕТЛАНА. Козлиха недоенная! У тебя из сисек и из губ силикон вываливается!

ЭВЕЛИНА. А у тебя задница накаченная!

СВЕТЛАНА. У меня? Лёвка, да скажи ты ей...

ЭВЕЛИНА и СВЕТЛАНА начинают драться.

ЛЕВ отходит.

ЕЛЕНА и ОЛЬГА пытаются их разнять.

АЛЕКСЕЙ (*подходит ко ЛЬВУ*). Эти женщины просто невыносимы! Им только дай кулаками помахать, правда, Левушка?

ЛЕВ. Да пошел ты, кобель...

МАЛОВ (*оттаскивая ЕЛЕНУ и ОЛЬГУ*). отошли быстро отсюда – не мешать им!

ЭВЕЛИНА и СВЕТЛАНА дерутся молча и страшно.

Вбегают ГАЛИНА, разнимает дерущихся.

ГАЛИНА. Вы с ума сошли! Вы ведь женщины! Что вы делаете?! (*бросается ко ЛЬВУ*). А ты? Твою девушку, а ты...

МАЛОВ. Дура, кто тебя просил? Такую историю испортила! Все ушли отсюда! Все быстро вон!

АЛЕКСЕЙ. Иван Сергеевич, у нас репетиция...

МАЛОВ. Я сказал. Ушли. Быстро. Вон. Все!

МАЛОВ уводит ГАЛИНУ в угол сцены.

Все остальные уходят.

(ГАЛИНЕ). Ну, кто тебя просил вмешиваться? Кто? Такая картинка была свежая, неожиданная. Наконец-то драка... А ты?

ГАЛИНА. Вань, совсем озверел? Ты что? Что ты вообще делаешь, ты понимаешь?

МАЛОВ. Я делаю передачу, рейтинг которой больше, чем у обращения президента. Должен тебе заметить, что президента в нашей стране слушают все – надеются, дурачки, новость какую узнать. А ты знаешь, что три партии зовут меня стать их, извини, членом, а одна – возглавить список на будущих выборах? А ты в курсе, что кадры, где эта сдвинутая Эвелина мастурбирует в душе, смотрел каждый третий житель нашей великой Родины? Каждый третий! А двое других спали, а как проснулись – начали мне письма строчить: пришлите, мол, кассету за любые бабки.

ГАЛИНА. Ванька, и тебе совсем не жалко этих несчастных подобных кроликов?

МАЛОВ. Галина Александровна, давно хотел вас спросить: знаете ли вы, кто такой есть неудачник?

ГАЛИНА. Это я.

МАЛОВ. Каждый человек мечтает о том, чтобы мир его заметил, чтобы человечество не просто имело его, а в виду. Кого не заметили – тот неудачник. Все эти Елены, Ольги, Эвелины, заторможенный Лев – неудачники. А я сделал так, что мир понял свою ошибку и открыл на них глаза. Я осчастливил их. Они выйдут отсюда звездами! Правда, они еще не знают об этом, но это дела не меняет.

ГАЛИНА. Товарищ Малов, давно хотела спросить вас: как ощущает себя человек, который зарабатывает славу и деньги, производя опыты над живыми людьми?

МАЛОВ. Ох, ты, Боже Мой, какие слова! Да над нами всю жизнь кто-нибудь проделывает опыты: политики, начальники, любимые! Чем же я отличаюсь ото всех? Ты не должны мне мешать. Ты должна мне помочь, понимаешь?

ГАЛИНА. В чем?

МАЛОВ. Во-первых, не мешать. Запомни: чем больше мерзостей в картинке, тем выше рейтинг передачи. Поэтому драки, раздевания, скандалы нам просто необходимы.

ГАЛИНА. Боже мой, но ведь, если есть «во-первых», значит, должно быть и во-вторых?

МАЛОВ. Вот за что люблю тебя, Галка, так это за искрометный твой ум. Понимаешь, надо придумать чего-нибудь... Такую легкую, незамысловатую, желательно смешную провокацию... А то ведь, если эту жизнь никак не организовывать, зритель скучать начнет.

ГАЛИНА. Предлагать мне придумать провокацию – все равно, что предлагать тебе пожалеть этих людей.

МАЛОВ. Я сам придумаю. А ты сможешь. Сейчас сколько времени?

ГАЛИНА. Половина двенадцатого.

МАЛОВ. День пролетел мгновенно.

ГАЛИНА. Блудливые часов не наблюдают.

МАЛОВ. Смешно. Сама придумала? Молодец, делаешь успехи. Жалко репетиция сорвалась.

ГАЛИНА. Товарищ Малов, на фига тебе репетиция? Ты что, всерьез надеешься сделать из этих закомплексованных задохликов танцевальное шоу, на которое пойдет зритель?

МАЛОВ. Повалит. Сотнями, тысячами... Мы такой чёс устроим, я тебя уверяю!

ГАЛИНА. Малов, мы же, блин, Россия! Страна духовности, твою мать! Ну почему нас совсем перестало интересовать качество искусства?

Осторожно ступая, идет ЛЕВ. Он не замечает ГАЛИНУ и МАЛОВА.

МАЛОВ. Качество искусства... Галюнь, ты говоришь словами из прошлой жизни. Скоро людей, которые так разговаривают, вообще перестанут понимать, словно вы – иностранцы. Зрителя, знаешь, чего интересуется? (*Заметив ЛЬВА*). Уведет одна баба от другой этого мужика или не уведет. А искусство – оно в Большом театре. Для избранных. Да и то не всегда. (*Льву*). Молодой человек, что вы крадетесь, как алкоголик, возвращающейся домой? Не стройте из себя Штирлица... Впрочем, вы, скорей всего, не знаете, кто это.

ЛЕВ. Добрый вечер.

МАЛОВ. Я к тому, что мужчина должен направляться к женской спальне более решительно. И не перепутайте: кровать Елены ближайшая к двери, а кровать Эвелины – у окна.

ЛЕВ. Я вовсе даже и не... Зачем вы так? Я и не думал совершенно про это совсем. Просто репетиции не было... Силы остались. Вот я тут и это... Гуляю я...

ГАЛИНА. Скажите, Лев, а вы когда-нибудь пробовали любить кого-нибудь, кроме себя?

ЛЕВ. Что за базар? Чего я сделал-то такого? Уж и прогуляться, что ль, нельзя?

ГАЛИНА. А книжки про любовь читали? Ну, хоть одну в жизни?

МАЛОВ. Или, может, не про любовь удалось прочесть?

ЛЕВ. Чё за экзамены такие? Чё за дела? У меня в школе по литературе была твердая четверка, что б вы знали!

МАЛОВ. Извините, Лев, это меняет дело. Вы вообще не обращайтесь внимания, просто у Галины Александровны сегодня ностальгическое настроение, вот она про книги и вспомнила. Идите, куда шли.

ЛЕВ. Да куда я не шел... Вот, блин, прилипли. (*Уходит*).

МАЛОВ. А чтобы ты сказала, если бы я предложил тебе вспомнить молодость?

ГАЛИНА. В смысле?

МАЛОВ. Вспомнить, что мы – не только друзья, но – мужчина и женщина.

ГАЛИНА. Я бы сказала, Малов, что для подобных воспоминаний здесь слишком много скрытых камер. Спокойной ночи!

МАЛОВ. Ладно, не злись. Видимо, атмосфера здесь, действительно, пошловатая... На меня действует... Так ты поможешь мне срежиссировать эту жизнь так, чтобы зрителю было интересно?

ГАЛИНА, не отвечая, уходит.

А время по-прежнему шло.

ОЛЬГА и ЕЛЕНА разминаются перед репетицией.

В руках ЕЛЕНЫ – медвежонок.

ОЛЬГА. И чего – после него никого так и не полюбила?

ЕЛЕНА. Если честно, не прикалывает меня никто, как он. Понимаешь? Ирке моей девять лет уже, а я иногда на нее глаза кину, - и его, блин, вспоминаю. Она не понимает, чего это я на нее вызверилась вдруг. А я вижу на ее мордахе его глаза – и ору.

ОЛЬГА. Это хреново.

ЕЛЕНА. Да полная фигня, если честно.

ОЛЬГА. Большая любовь – это вообще отстой. Мужик – он нужен типа для здоровья, а въезжать в него по-крупному – полная ерунда. У тебя для здоровья хоть есть мужики, или твой мужик – струя душа?

ЕЛЕНА. Какие-то кувыркаются... На следующий день и лица не вспомню, если честно.

ОЛЬГА. Да... Про здоровье обязательно надо помнить... Слушай, я чего прикинула? Может, все-таки Левкой заняться? Типа – для здоровья и интереса?

ЕЛЕНА. Круто больно. На нем Светка всеми ногами висит. И Эвелинка подтягивается.

ОЛЬГА. Так тем интересней...

Входит АЛЕКСЕЙ.

ОЛЬГА. Или с этим попробовать? (Алексею). Слышь, парень, ты как: обрез или двустволка?

АЛЕКСЕЙ. Чего?

ОЛЬГА. Ну, только со своими дружками, или и с теми и с другими можешь?

АЛЕКСЕЙ. Я, Оленька, и в искусстве и в жизни ненавижу пошлость, потому что она унижает.

ОЛЬГА. Да ты чё? Правда? Ты мне просто типа глаза открыл...

АЛЕКСЕЙ. Слишком много трепа... Начинаем репетицию! (*ЕЛЕНЕ, показывая на мишку*). Да выкинь ты это плюшевое дерьмо, мешает только...

ОЛЬГА. Плюшевое дерьмо... ну, если представить его буквально... конечно, на пошлость не катит, правильно?

Выходят СВЕТЛАНА, ЭВЕЛИНА, ЛЕВ.

АЛЕКСЕЙ. Слава Богу, явились. Объясняю. Выходите вчетвером. Женщины – попарно. Левушка – в центре. Сейчас покажу движения. Танцуете. Потом выбегаю я, хватаю Левушку и кручу в танце.

ЛЕВ. Может, ты лучше девушку, какую в танце закружишь?

АЛЕКСЕЙ. Не смей обсуждать, что я говорю! Не смей! Встали, как я сказал! Музыка! Все!

Музыка.

ЕЛЕНА становится вместе с ОЛЬГОЙ.

ЭВЕЛИНА с улыбкой протягивает руку СВЕТЛАНАЕ.

СВЕТЛАНА. Я с этой сукой танцевать не буду!

ЛЕВ. Светка, прекрати.

АЛЕКСЕЙ. Я потребую у Малова, чтобы он с вас за непослушание деньги снимал. Детский сад какой-то! Черт возьми, разбиваемся так: Светлана – Елена, Ольга – Эвелина. Левушка – по центру.

ЛЕВ. Слушай, Лешечка, еще раз меня так назовешь, я тебе зубы в шахматном порядке расставлю.

ЭВЕЛИНА. Секундочку, я тут чего-то недопонимаю. Меня, значит, кликнули сукой, а я должна это схавать, как конфетку?

СВЕТЛАНА. Баба, которая ворует чужих мужиков и есть сука.

ЭВЕЛИНА. Видишь ли, Светочка, хочу дать тебе такую справочку, чисто – для информации. По статистике у нас баб меньше, чем мужиков, поэтому женщина вынуждена мужиков: а. завоевывать; б. красть. В народе девку, которая позволила скрасть своего мужика, называют «дурой».

СВЕТЛАНА. От дуры слышу!

ЭВЕЛИНА. Нет, Светочка, ты уж чего-нибудь реши, пожалуйста, а то «сука» и «дура» в одном, таком очаровательном флаконе, как я – это все-таки перебор.

СВЕТЛАНА. Я тебя сейчас... Я.... Я не знаю... Левка, ну, скажи ей!

АЛЕКСЕЙ. Хватит трепаться! Мы работаем тут! Встали, как я сказал, попарно! И – вперед!

ОЛЬГА. Действительно, мы же тут искусством занимаемся, а не фигней.

ЕЛЕНА. Фигней мы занимаемся не здесь, а здесь мы, если честно...

АЛЕКСЕЙ. Замолчать! Встать! По одному, хрен с вами! Только встаньте! Музыка! Поехали...

Танец.

Постепенно все заводятся, кроме СВЕТЛАНЫ.

Светлана, в чем дело? Ты не работаешь, а мне одолжение делаешь! В чем дело?! Где азарт, страсть? Сексуальность, наконец? Я же вчера объяснял.

ЭВЕЛИНА. Как будто про сексуальность можно объяснить? Тут уж – или есть, или как у Светки...

СВЕТЛАНА. Левка, почему же ты молчишь? Разве ты не видишь, что меня обижают?

ЛЕВ. Чего я опять не вижу? Давайте плясать уже, наконец.

СВЕТЛАНА. Как ты можешь так говорить? Неужели ты не понимаешь, что предаешь наши вечера? Я не знаю... Наш футбол, который мы смотрели вместе. Наши ночи, лучше которых у меня не было. Ты ведь хороший, Левка, я знаю. Ты очень хороший. Почему же ты боишься показать, что ты – хороший? Почему ты стесняешься нашей любви? Я вот не стесняюсь...

АЛЕКСЕЙ. Мы будем работать или выяснялки устраивать!.. Только мексиканского кино нам не хватало! Музыка! Танец!

Музыка.

Никто не танцует.

Входит МАЛОВ.

МАЛОВ. Чего вы всё трепитесь, трепитесь, а не делаете ни хрена? Подрались бы уже, что ли... Трико бы сняли, и – по морде друг другу! Без трико, и – по морде! Красиво...

АЛЕКСЕЙ. Иван Сергеевич, хорошо, что вы пришли. Хочу вам сказать, что стало совершенно невозможно работать. Просто невозможно заниматься творчеством. Вы должны им приказать меня слушаться! Я даже выступаю за введение материального наказания...

ЭВЕЛИНА (*дико хохочет*). Ой, девки, умру сейчас... Этот... Этот... За введение выступает... Слышали? За введение!

Все хохочут.

АЛЕКСЕЙ. Я не могу так работать! Эти безобразные намеки! Я – творческий человек! Я не могу так...

МАЛОВ. Не можешь? Отдохни пока. Мы меняем методику репетиций.

АЛЕКСЕЙ. Вот это верно. Строже как-то надо... Строже и...

МАЛОВ. Репетировать теперь будем попарно. Для большей, так сказать, интимности. Первая пара: Лев и Эвелина. Репетируют... Ну, скажем, в женской спальне.

ЭВЕЛИНА. Отличная идея, шеф! Буквально всеми частями тела голову «за»!

АЛЕКСЕЙ. Как же это – без меня? Почему? А кто проследит? Кто под-скажет?

МАЛОВ. Сказали тебе: отдохни пока, на гонораре это не отразится. (*Отводит ЛЬВА в сторону*). Ты уж там с ней не стесняйся... Мужик ты или тряпка?

СВЕТЛАНА. Левка, что ты делаешь? Не ходи с ней! Я тебя умоляю, Левушка!

ЕЛЕНА. А нам куда?

ОЛЬГА. Нам здесь оставаться?

МАЛОВ. Да оставайтесь вы, где хотите, Вы, девочки, такие нормальные – аж скулы сводит! Не интересные, то есть. Хотите - репетируйте, а хотите – кофе выпейте с булкой. Булки вон завезли свежие. (*Всем*). В чем дело? Я же сказал, что надо делать!

СВЕТЛАНА. Левка, не уходи с ней! Я тебя прошу! Я тебя умоляю просто! Я же люблю тебя на самом деле! Что же ты делаешь?

ЛЕВ (*отводит СВЕТЛАНУ в сторону*). Прекрати эти разборки кретинские! Шеф сказал,- уши-то прочисти. Что я теперь могу? Предлагаешь с Маловым поругаться?

СВЕТЛАНА. Ты не должен с ней ходить. Не должен. Не должен.

ЛЕВ. Это репетиция. Просто репетиция. Врубись и не заморачивайся.

СВЕТЛАНА. Ты только скажи, что меня любишь. Просто скажи, и все.

ЛЕВ, не отвечая, уходит.

СВЕТЛАНА плачет.

Дальнейшие диалоги – в разных пространствах сцены.

ОЛЬГА. А этот Лев, - подонок.

ЕЛЕНА. Обычный мужик, если честно. Они все такие, ты чё не в курсе? Я своего когда засекала с подругой – выгнала на раз.

ОЛЬГА. Подругу?

ЕЛЕНА. Да обеих. Дура была по молодости. Сейчас бы внимания не обратила, ей-Богу, если честно.

ОЛЬГА. Я вот никак не врубаюсь: понятно ведь, что мужики любить не умеют. Так чего затеваться-то тогда? Страдать там типа, мается...

ЕЛЕНА. Ты «Анну Каренину» читала?

ОЛЬГА. Это про то, как собаку утопили ни за что?

ЕЛЕНА. Балда, про собаку это «Муму». А «Анна Каренина» - про несчастную любовь.

ОЛЬГА. А... Не, мне про несчастную любовь киношек хватает. Я тебе знаешь, чего скажу: моя мать родила меня в таком возрасте, когда другие уже мостырят на кладбище. Я тебе рассказывала, вроде. Все надеялась, что она из любовницы типа возлюбленной станет. И – чего? Потом поняла, что

родительский возраст заканчивается, ну и... В общем, как-то обманула его, он-то ведь не хотел детей, сама понимаешь. На фиг я ему.

ЕЛЕНА. Все-таки хорошо, что ты родилась. Если честно.

ОЛЬГА. Поди плохо! Если б не я - как бы мать сейчас жила? У нас же пенсии те люди повышают, которые и в страшном сне не могут представить, что сами на эти пенсии будут жить. А я такая, знаешь, маме, обязательно - сиделочку, молочко там, фрукты... Опять же, поговорить с мамочкой – это непременно.

ЕЛЕНА. Скучает она без тебя, наверное?

ОЛЬГА. На то она и мать, чтобы скучать... Она мечтает, чтобы я настоящим искусством занималась. Я ей сказала: «Иду за искусством, мам». Она поняла, типа благословила.

ЕЛЕНА. А чего ты ей про стрип-бар не рассказываешь?

ОЛЬГА. Нервы родственников надо беречь. А то, как расшальются – себе дороже.

СВЕТЛАНА плачет.

Входит ГАЛИНА.

ГАЛИНА. Что ты, девочка моя, успокойся. Не стоит плакать из-за мужчин.

СВЕТЛАНА. А из-за чего же тогда стоит плакать? Я люблю его, понимаете вы все – люблю! И горжусь нашей любовью. А что? Такой любовью, как наша, можно гордиться! А он... А он...

ГАЛИНА. Ну, что он? Что? Если ты его любишь, зачем же сразу думать про плохое? Он просто пошел репетировать, вот и все.

СВЕТЛАНА. Что я дурилка картонная? Я все понимаю... Как он мог... Если хотите знать, я за Левку убью, кого угодно...

ГАЛИНА. Не надо так шутить...

СВЕТЛАНА. Какие уж тут шутки, когда самой повеситься хочется.

ГАЛИНА. Да ты что? Из-за мужиков вообще не стоит жизнь портить, а уж, тем более, вешаться...

СВЕТЛАНА. Вы такая вся мудрая из себя.

ГАЛИНА. Когда про женщину говорят, что она – мудрая, значит, она состарилась.

СВЕТЛАНА. Нет, вы сами посудите: если он – это жизнь, то на фиг мне жизнь без него? Вот вы можете поверить в то, что жить без другого человека невозможно? Можете? Нет?

ГАЛИНА. Когда была в твоём возрасте – могла, а теперь – нет. Помудрела, как вы говорите – типа состарилась. Тот мужчина, без которого я не могла жить, бросил меня, а я, как ты видишь, живу!

СВЕТЛАНА. А мне вот никакая любовь, кроме вечной, на фиг не нужна! Не нужна, врубаются вы? Если любовь не вечная, то это... Это... Глупость какая-то, а не любовь!

ГАЛИНА. Понимаешь, какое дело, чтобы любовь была вечной, в нее должны верить два человека. Понимаешь, обязательно два. Светочка, поверь мне: ты еще очень молодая, ты найдешь свою вечную любовь. Вечная любовь может быть трагической, но не может не быть взаимной.

СВЕТЛАНА. А вы нашли такую любовь – взаимно вечную?

ГАЛИНА порывается что-то ответить, но не находит слов.

Так-то... Вот вы биться за любовь не хотели, а я хочу. И буду!

ГАЛИНА. Биться – это хорошо. Это правильно. Битва за любовь отвлекает от ненужных и скучных мыслей.

Входит АЛЕКСЕЙ. Он явно находится в каких-то своих, печальных размышлениях.

(АЛЕКСЕЮ). А вот ты как считаешь, за свою любовь надо бороться?

АЛЕКСЕЙ. Что? Бороться? Если надо бороться, то какая же это любовь?

СВЕТЛАНА. Полная жесьть. Вот они все так, мужики... Да и не мужики тоже... Такие... Все... *(Неожиданно срывается с места, хватает АЛЕКСЕЯ за отворот рубашки; кричит).* Вот ты бы мог бороться за свою любовь? Мог бы? – скажи!

АЛЕКСЕЙ. А надо?

СВЕТЛАНА. Нет, ты скажи конкретно: мог бы ты бороться за любовь? Мог бы? Нет? Говори конкретно.

ГАЛИНА. Светочка, успокойся.

АЛЕКСЕЙ. Бороться за любовь... Как интересно.... Может быть, действительно, стоит попробовать? *(Уходит; возвращается).* Спасибо за совет... Интересно... Любовь, за которую борются... Интересно...

Светлана снова начинает плакать.

ЭВЕЛИНА, ЛЕВ.

Лев бросается на ЭВЕЛИНУ.

Долгий поцелуй.

ЭВЕЛИНА отстраняет ЛЬВА.

ЛЕВ. Почему?

ЭВЕЛИНА. Целуешься супер.

ЛЕВ. Я супер не только целуюсь. Продолжим?

ЭВЕЛИНА. Девочку твою не жалко тебе?

ЛЕВ. Светку, что ль?

ЭВЕЛИНА. Она ж тебя любит конкретно. Не жалко?

ЛЕВ. Чего-то я не врубаюсь, мы сюда для чего припилили?

ЭВЕЛИНА. Мне просто интересно. Вот любит тебя женщина, любит конкретно, не боится об этом орать, как креси, а тебе – по фиг дым?

ЛЕВ. Ну, чего ты, как эта? Сама ж говорила: долго без секса – жуть.

ЭВЕЛИНА. Нет, все-таки мужик, как таракан – всюду дырку найдет.

ЛЕВ. Оскорблять-то на фига?

Лев пытается схватить ЭВЕЛИНУ, но получает отпор.

ЭВЕЛИНА. Мальчик, запомни: все свое богатство невероятное я отдам только тому, кому захочу. И только тогда, когда захочу.

ЛЕВ. Ну, и сиди тут одна.

ЭВЕЛИНА (снимая какую-то часть одежды). Чао!

ЛЕВ. Чего ты нарываешься, а?

ЭВЕЛИНА. Я хочу получить ответ на вопрос: жалко ли тебе твою девочку?

ЛЕВ. А потом – чего?

ЭВЕЛИНА. А потом угощу тебя сладеньким. Или не угощу. Смотря по настроению.

ЛЕВ. Чтобы ты не заморачивалась на глупостях, отвечаю: я лично считаю, что в этом мире никто никому ничего не должен.

ЭВЕЛИНА. Ух ты! Где ж ты такое вычитал? Сам вряд ли бы сообразил... А если бы Светка твоя отвалила с Маловым, ты бы аналогично мыслил?

ЛЕВ. Она бы не отвалила... Слушай, я хочу секса. Грязного и мерзкого секса. Базар этот мне уже вот где. Или давай займемся делом, или я к Светке отчалию.

ЭВЕЛИНА (снимая очередную часть одежды). Счастливого плаванья!

Снова ЛЕВ бросается на ЭВЕЛИНУ. И снова получает отпор.

Не раздражай меня, мальчик, я не терплю насилия. (Гладит ЛЬВА по щеке). А ты симпатичный. Ну, чего надулся? Ты самый обыкновенный мерзавец. Спермораспылитель, знаешь такое слово? Вот ты кто. Ну, ну... Не вздумай дуться. Я ведь права. Ты просто ходячее доказательство того, что любви нет.

ЛЕВ. Может, хватит меня грузить, а?

ЭВЕЛИНА. Не нравится, мяся моя, а кто тебя держит? Нет, не держит тебя никто... Скажи-ка мне честно: нравлюсь я тебе?

ЛЕВ. Супер!

ЭВЕЛИНА. А что тебе больше нравится моя душа или мои сиськи?

ЛЕВ. Твою грудь я пока не видел.

ЭВЕЛИНА. Понятно. Разговор о душе сразу отпал за ненужностью... Хочешь, покажу?

ЛЕВ. Да!

ЭВЕЛИНА. Сиськи или душу? Ладно, не кипи. Заслужил, заслужил сладенького, молодец. Мне нравятся такие парни, как ты, Левка. Глядишь на такого, как ты спермораспылителя, и понимаешь: нет, Линка, в твоей жизни проблем, пока ты молодая.

ЛЕВ. А их и вправду нет. Все элементарно. По любому сложности придумывают только дураки.

Входит АЛЕКСЕЙ.

АЛЕКСЕЙ. Как проходит репетиция?

ЭВЕЛИНА. Картина Репина «Не ждали».

ЛЕВ. Слушай, отвали, пожалуйста, а? По-быстрому. Мы еще номер не сделали. Врубился? Шеф чего сказал? Что бы мы вдвоем. Вот и сделай, дружок, отвал степаныча.

АЛЕКСЕЙ. Я тебя вдвоем с ней не оставлю! Вот и все! Так и знай!

ЭВЕЛИНА хохочет.

ЛЕВ. Я тебя, как человека прошу: отзынь отсюда. Пожалуйста. Ну, не бить же мне тебя, недоделанного?

ЭВЕЛИНА. Господи, какая тоска! (*ЛЬВУ*). А почему, собственно, не бить? Дал бы ты ему, что ли, по морде? Так нет же... Только трепаться. С бабой – трепаться. С мужиком... И с не мужиком – тоже. Тухлая ботва, а не жизнь...

ЭВЕЛИНА уходит и сталкивается с вошедшим МАЛОВЫМ.

МАЛОВ (*АЛЕКСЕЮ*). Откуда ты только взялся?

АЛЕКСЕЙ. Любовь надо защищать, ясно вам?

МАЛОВ. Все уже было почти на мази. Чего ты прибежал сюда, козлина?

АЛЕКСЕЙ. За что вы меня все не любите? За что? За то, что я – другой, не такой, как вы? Разве я в этом виноват? Меня природа таким создала, Бог. Я вот без отца рос... Ну что, что во мне такого, что меня полюбить нельзя? Да что полюбить! Неужели трудно относиться к другим людям просто по-человечески? Мы же все – создания природы! К тому же, мы занимаемся искусством? Мы обязаны нести людям доброе, светлое! А мы?

МАЛОВ. Хороший монолог. Многим таким как ты созданиям природы он будет близок. И все же – секс был бы как-то ярче. Привлекательней потому что.

АЛЕКСЕЙ. Не врубился. Привлекательней для кого?

ЛЕВ. Для всех, козел!

АЛЕКСЕЙ. Зачем так оскорблять, зачем? За что? Я ведь... Дамы все!

МАЛОВ. Лешенька, наша жизнь - это не Шекспир. Два монолога подряд - перебор. Все свободны!

Еще немножко времени прошло.

Танец.

ГАЛИНА, МАЛОВ

ГАЛИНА. Они танцуют все лучше.

МАЛОВ. А рейтинг падает все ниже... Нет, зрителя по-прежнему радуют кадры в душе, и особенно – в туалете. Но необходимость в режиссуре этой жизни проявляется все отчетливей. Методику репетиций им поменял – все равно – тоска.

ГАЛИНА. Давай тогда все закончим, товарищ Малов.

МАЛОВ. С какого перепугу?

ГАЛИНА. А чего? Детишки стали знаменитыми, пару-тройку репетиций и можно начинать чёс.

МАЛОВ. Мне иногда кажется, что ты их жалеешь. Зря ты это. Когда дрессировщик находится в вольере с хищниками, он не должен видеть в них товарищей.

ГАЛИНА. По-настоящему мне жалко только эту девочку, Свету. Если хочешь знать, я узнаю в ней себя. И мне ужасно обидно, что весь мир знает о ее страданиях.

МАЛОВ. Согласен, Света – экземпляр интересный. Я даже не думал, что молодые сегодня умеют любить. Еще бы одну настоящую девочку, которая умеет любить, такая могла бы завариться каша... Понимаешь, дело в том, что...

ГАЛИНА. Знаешь, что у нас еще общего со Светланой? Мы обе влюбились в идиотов и обе страдали из-за этой идиотской любви.

МАЛОВ. Ну, предположим, ты страдала потому, что идиот, если имеюсь в виду я, перестал отвечать тебе взаимностью... Но не будем о прошлом. Правильно ли я понимаю, что Лев тебе не нравится?

ГАЛИНА. А кому он может нравиться?

МАЛОВ. Чудно! Скажу тебе честно, Галюнь, я попал в сложное положение. С сексом – напряженка. За все это время Лев пару раз лениво занялся любовью со своей Светланой... Зрителю это смотреть не интересно, потому что, кому интересно глядеть на такое, у тех есть порно каналы. Эвелина оказалась бездеятельной трепачкой. Эти две красавицы, Лена и Оля, всерьез занимаются только танцами: мои надежды на то, что они окажутся лесбиянками не оправдались. Пашут, как дуры. Если есть что-то, на что зрителю совершенно не интересно смотреть – так это на то, как другие работают. Алексей этот вообще...

ГАЛИНА. Знаешь, Малов, у меня есть идея, как сделать рейтинг этого шоу огромным. Просто заоблачно высоким.

МАЛОВ. Ну-ка, интересно.

ГАЛИНА. Тебе надо завести роман с Алексеем. Точно! Уверяю тебя: зрителя от экрана не оторвешь!

МАЛОВ. Шутка удалась. Есть другие предложения?

ГАЛИНА. Нет, товарищ Малов, серьезно: давай. Правда! Я вижу заголовки на первых полосах газет: у знаменитого продюсера Малова роман с балетмейстером! И- фото... Представляешь, какие деньги к тебе поплывут? Чего боишься?! Пошлость – ничто, рейтинг все! И тогда ты...

МАЛОВ. Знаешь, иногда я чувствую себя немножко Богом, спектакль Которого – настоящая жизнь, а актеры – реальные люди.

ГАЛИНА. А при чем тут пиаровская акция по организации романа с балетмейстером?

МАЛОВ. Бог не должен заниматься глупостями.

ГАЛИНА. Не много ли на себя берешь, Вань? Ну, ладно. Не хочешь высокого рейтинга – не надо. Рассказывай тогда, как ты хочешь срежиссировать окружающий нас бред, который ты почему-то называешь жизнью?

МАЛОВ. Я придумал, как подставить этого недоделанного Левку. Честно говоря, ничего особенного. Так. Незамысловатый, но занятный поворотец. Зрителю будет интересно. Потом еще чего-нибудь придумаю...

ГАЛИНА. И тебе надо, чтобы в этом поворотце тебе помогла я?

МАЛОВ. Мм-мм.

ГАЛИНА. Но у меня будет условие.

МАЛОВ. Я готов повесить твой гонорар в полтора раза!

ГАЛИНА. Какой же ты, товарищ Малов, все-таки идиот! Впрочем, почему нет? Ловлю тебя на слове. Однако, условие мое будет другим. Я сделаю все, что ты хочешь... в рамках не запредельной пошлости, разумеется... Однако, после того, как я сделаю то, что ты придумал – наше шоу закончится.

МАЛОВ. Два раза. Я не могу убивать курицу, которая гордо несет золотые яйца.

ГАЛИНА. А я могу. Я просто расскажу твоим хищникам про телекамеры.

МАЛОВ. Ну, тогда мне придется тебя куда-нибудь запереть, отгородить, так сказать, от общества.

ГАЛИНА. Нет таких ограждений. Здесь же телекамеры везде. Я призову на помощь все прогрессивное человечество...

МАЛОВ. Хорошая, кстати, идея. Это прибавит еще пару пунктов в рейтинг... Или, может быть, ты всерьез считаешь, что кто-нибудь сжалится над тобой и придет тебя спасти? За время, что идет шоу, ко мне не пришел ни один возмущенный родственник или друг! Ни один! Послушай, Галюнь, с человеком, который ощущает себя Богом, бороться бессмысленно.

ГАЛИНА. И не таких Богов свергали... Ну, так в чем же состоит твой план?

*МАЛОВ что-то говорит ГАЛИНЕ, но что мы не слышим.
Танец.*

МАЛОВ. Как идея?

ГАЛИНА. Честно говоря: не очень. Ты, товарищ Малов, продюсер, а не художник. У тебя придумывать не очень хорошо получится.

МАЛОВ. Да ладно, какой-никакой, а маленький скандальчик. Интрижка небольшая...

ГАЛИНА. Как знаешь... Но имей в виду: после этой истории я раскрою ребятам тайну этого мерзкого места.

СВЕТЛАНА, ЭВЕЛИНА, ЕЛЕНА, ОЛЬГА

СВЕТЛАНА. Ленк, кинь медвежонка.

ЛЕНА кидает СВЕТЛАНЕ медвежонка.

Симпотный какой... Теплый, как живой.

ЭВЕЛИНА. Девки, я фигею. Мужик отвалил, так она теперь с медвежонком спать готова.

СВЕТЛАНА. Достала конкретно. Чего цепляешься все время?

ЭВЕЛИНА. Скучно потому что... Кастинг – фигастинк. А все ради чего? Жизнь воще никакой, одна пахота.

СВЕТЛАНА. Чтобы получилось хорошее шоу, надо много работать.

ЭВЕЛИНА. Ты, небось, в школе отличницей была? Это воще потряс: у нее, главное, мужика увели, а она с медвежонком пошла койкоместо заниматься.

СВЕТЛАНА. Если хочешь знать, я свистну сейчас, и Левка ко мне прибежит.

ЭВЕЛИНА. Чума! Если я свистну – он тоже прилетит.

ЕЛЕНА. Думаю, если я хорошенечко засвищу, - он тоже явится, если честно.

ОЛЬГА. Мужик потому что...

ЭВЕЛИНА. Девки, а давайте его разыграем?

ОЛЬГА. В смысле? Наколем, то есть?

ЭВЕЛИНА. Чего наколем, он же не бабочка. Я – про другое. Давайте сыграем во что-нибудь, кто выиграет – тот типа и свистит этому не плюшевому Львенку.

СВЕТЛАНА. Вы что обалдели? Это что, казино, что ли? Мой мужик! Я его сюда привела, я вообще живу с ним, я...

ЕЛЕНА. Действительно, не хорошо как-то, если честно.

ОЛЬГА. А мне нравится... Класная идея.... Какая-никакая, а типа развлекаловка. А то тоска... Все-таки один мужик для здоровья мало.

ЭВЕЛИНА. Хреново считаешь, подруга. Два с половиной. Если Малова считать и балетмейстера.

ОЛЬГА. Да одна фигня... Во что играть будем? Карты у кого-нибудь есть?

СВЕТЛАНА. Девочки, вы что серьезно?

ОЛЬГА. (ЕЛЕНЕ). Ну, чего, подруга, ты как? С нами или с медвежонком?

ЕЛЕНА. Если честно, я только в дурака умею.

ЭВЕЛИНА. Годится. Дурака разыграем в дурака.

СВЕТЛАНА. Да вы что! Охринели все? Если вы начнете играть, я... я... я... выкинусь из окна! Так и знайте – натурально выкинусь.

ЭВЕЛИНА. Сигай. Тут первый этаж.

ОЛЬГА. Вот карты нашлись.

СВЕТЛАНА. Вы с ума сошли: мужика в карты разыгрывать? Это же мой любимый чел, вы что не понимаете? Он меня любит!

ЕЛЕНА. Ну, и не психуй тогда, если любит. Значит, сколько ни свисти, ни с одной из нас не пойдет. Мы ж его насиловать не собираемся, если честно.

ЭВЕЛИНА. Мужика вообще хрен изнасилуешь. К сожалению.

ОЛЬГА (СВЕТЛАНЕ). Ты лучше с нами садись играть. Может, выиграешь, тогда все твои проблемы по любому решатся.

СВЕТЛАНА. Девчонки, вы сумасшедшие. Разве можно любимого человека в карты разыгрывать?

ОЛЬГА. Чего ты заладила: «любимый», «любимый»... Взрослая девочка уже, могла бы понять: нет никакой любви. Знаешь, я, когда до этого сама дотырилась путем всяких жизненных приключений типа романов, сразу так легко жить стало! Я когда в стрип клуб пришла, чтобы бабла подскрести немножко, сразу директор ко мне подвалил. Закричал, как резанный: «Какая задница» и тут же мне руку на грудь положил. Я назвала ему цену груди и задницы... Вот и вся ваша любовь... (СВЕТЛАНЕ). Ну, так чего, ты зритель или игрок?

СВЕТЛАНА. (садится ко всем). Сдавай!

ЭВЕЛИНА. Играем в «дурака». Во всех смыслах. У кого первого карт в лапах не осталось, тот и выиграл. Понеслась...

*Играют молча, азартно.
Выигрывает ЕЛЕНА.*

ЕЛЕНА. Во блин! Я, что ль, выиграла?

ОЛЬГА. Давай, Леноч, свисти.

СВЕТЛАНА (ЕЛЕНЕ). Пожалуйста, я тебя умоляю: продай выигрыш, а? Я тебе, что угодно сделаю, любые деньги дам... Продай, а?

ЕЛЕНА. Совсем, что ли, с дуба съехала? Я ж – за компанию, если честно. Чего мне с твоим мужиком делать? Он меня не колышит ни грамма. Душный он какой-то.

ЭВЕЛИНА. А, по-моему, с мужиком всегда найдется, чем заняться. Причем, с любым, что интересно...

ОЛЬГА. Может, еще раз скинемся?

ЭВЕЛИНА. Вот тоска... В любви повезет... Врубиться бы с кем...

СВЕТЛАНА плачет.

МАЛОВ, ГАЛИНА.

МАЛОВ. Ну, ничего не могут... Ничего... Поколение танцующих трепачей... Думал: сейчас какая-нибудь их этих идиоток победит, и, счастливая, отправится радостно его совращать. Будет красивая картинка идиотского совращения. А они...

ГАЛИНА. Тоже мне – Репин, создатель картинок...

МАЛОВ. Репин по сравнению со мной – пацан. Он – картинки малевал, а я реальность создаю.

ГАЛИНА. Предлагаю на этом месте завершить спор о том, кто круче – ты или Репин. Реальность твоя, товарищ Малов, кретинская, а история, которую ты задумал, наоборот, - идиотская.

МАЛОВ. Каковы люди – такова и реальность. Корючку я придумал, конечно, так себе, однако, зритель взбодрится. Кстати, я все это делаю ради тебя.

ГАЛИНА. Да что ты?

МАЛОВ. После этого танца ты проснешься окончательно знаменитой.

ГАЛИНА. С тобой?

МАЛОВ. Не понял.

ГАЛИНА. Проснусь, говорю, с тобой? Ладно, Ваньк, расслабься. В отличие от нынешней молодежи, я мужиков не насилую. Но только помни последовательность событий: делаем твою, как ты говоришь, корючку, я просыпаюсь знаменитой, а потом эта бодяга заканчивается. Совсем.

МАЛОВ. Галка, не родилось еще человека, который сумеет прекратить то, что я начал.

ГАЛИНА. Посмотрим.

МАЛОВ. И чего я, дурак, на тебе не женился? Вот и славно, трам-пам-пам... *(Не дожидаясь ответа, кричит)*. Алексей, пора репетировать! Покажите-ка, что вы там придумали.

Вбегает АЛЕКСЕЙ.

АЛЕКСЕЙ. Конечно, Иван Сергеевич. Как прикажете. Вы же знаете, что работа – это мое любимое занятие! Так, так... Все пришли. Сделали веселые лица... Согнали хмарь с лица! Никогда не забываем, что танец – это воплощенное счастье. Музыка!

Все приходят. Начинается танец.

Наступила ночь.

МАЛОВ, ГАЛИНА.

МАЛОВ. Передала?

ГАЛИНА. Мм-мм... Как ты велел... Положила записку под его гнусную морду, а потом аккуратно разбудила.

МАЛОВ. Никогда не поверю, что тебе удалось аккуратно разбудить мужика, который тебе настолько отвратителен.

ГАЛИНА. Жизнь и не такому научит, товарищ. Аккуратно дала кулаком по башке, а потом также спокойненько утекла. У самого-то как?

МАЛОВ. Придут, конечно, обе. Интересно, как он будет выкручиваться?

ГАЛИНА. Совершенно не интересно.

МАЛОВ. Абсолютно. Корючка на три копейки. Но хоть какое-то развлечение для зрителей. Слушай, а ты не помнишь, в нашей молодости телезрители тоже были такие тупые, или они отупели в результате демократических преобразований?

ГАЛИНА. Просто люди устали, они хотят развлечений.

МАЛОВ. Наш народ вообще очень устает не от работы, а от постоянного ожидания перемен. К самим переменам, что интересно, привыкает быстро и не утомляется, а вот от тревожного ожидания перемен мучается сильно.

ГАЛИНА. Дорогие телезрители! Вы смотрели неожиданное включение политической дискуссии в наше, глубоко развлекательное, шоу!

МАЛОВ. Балда, я же теперь говорил: это единственное место, где нет телекамер.

ГАЛИНА. В наше глубоко не личное время никто не может быть до конца уверен, что даже, когда он сидит в туалете или целуется с любимой, — за ним не подглядывает какая-нибудь камера.

МАЛОВ. Скажи мне лучше: ты танец приготовила? Готова потряхнуть стариной...

ГАЛИНА. Знаешь, я тут подумала: все-таки нет. Нет. Не смогу.

МАЛОВ. Как? Ты же обещала... Мы договаривались... Ты...

ГАЛИНА. Скажи, товарищ Малов, а ты, наверное, только в самых страшных представляешь, что тебе кто-нибудь отказывает, тем более, женщина? Не боись, Иван Сергеевич, это я стариной трясти не готова. А молодостью — сколько угодно. Но ты помнишь, что после этого...

МАЛОВ. Тихо.

Появляются ЭВЕЛИНА, СВЕТЛАНА.

Идут осторожно.

МАЛОВ. Быстро уходим... Корючка начинается!

ГАЛИНА. Внимание, операторы: бред пошел. Пошел бред.

ГАЛИНА и МАЛОВ уходят.

ЭВЕЛИНА. Ну, чего, сыщик? Все следишь?

СВЕТЛАНА. Пусть за тобой сексуальные маньяки следят. Стрелка у меня тут.

ЭВЕЛИНА. И у меня... Причем, именно тут... Чисто конкретная стрелка... Слышь, подруга... И охота тебе так перед таким душным мужиком унижаться?

СВЕТЛАНА. Я тебя прошу, как человека: отзынь отсюда, пожалуйста.

ЭВЕЛИНА. У тебя бретельки от лифчика не помялись? Может, погладить? Сказала же: стрелка у меня тут, я по любому не уйду.

СВЕТЛАНА. У тебя свидание?

ЭВЕЛИНА. И чего?

СВЕТЛАНА. С кем?

ЭВЕЛИНА. Догадайся с трех раз. С Лешей балетмейстером стрелку забили.

СВЕТЛАНА. Пургу-то не мети.

ЭВЕЛИНА. Закрой пасть и отзынь! А то все ноги твои пересчитаю. Благо, их мало, и они маленькие!

СВЕТЛАНА. Ну, пожалуйста, тварь, испарись! Мне по любому тут надо остаться. Можешь ты это просечь?

Появляется ЛЕВ.

Идет осторожно.

Взрывается музыка.

Силуэт танцующей женщины.

ЛЕВ бросается к ней.

ЭВЕЛИНА и СВЕТЛАНА прячутся и с интересом наблюдают за происходящим.

Женщина, продолжая танцевать, делает ЛЬВУ знак остановиться.

ЛЕВ. Чего за засада? Ты ведь звала меня! Чего такое? (Снова движется к женщине).

Женщина, не прекращая танца, снова делает знак: стоять.

Хорэ кокетничать. Сама же прислала почеркушку... (Роется в карманах, достает записку, читает). «Незнакомка, потрясенная вашим талантом, будет ждать в полночь...» Я хренею: незнакомка, главное, как будто сюда кто проползти может... Эвелинка, это ты, что ли? Чё затаилась? Не, не похожа. Светка?.. Реально – Светка. Светик, про незнакомку суперскую шутку приложила, я ошизел конкретно. Ну, хорэ, мордочку-то открой... Блин... Классно пляшешь! Не, Светка так не умеет, она дергается только... Оля? Точно. Ништяк! Ольгуш, это тебя в твоём стрипе научили так сексуально танцевать? Хотя фигура, вроде, круче, чем у Ольги. Ленка? Не, реально – Ленка. Я уз-

нал. Лен, я знаешь, чего? Я это... Я подглядывал немножко, когда ты...вы... когда... ну это... там переодевались. Ага. Не удержался. Люблю потому что типа красоту....Твоя... ваша грудь... Она, прям, запала... Ага... Не, ну это точно твоя грудь, Ленка... Ее ж не спутаешь там с другой какой...

ЭВЕЛИНА и СВЕТЛАНА (*выходя из укрытия; хором*). А с моей?

ЛЕВ. Вы? Здесь? Обе?

ЭВЕЛИНА. Какого хрена ты назначаешь свидание мне, а сам пристаешь к какой-то танцующей идиотке.

ГАЛИНА (*танцевала именно она*). Я-то вам чем не угодила?

ЛЕВ. Галина Александровна?!

ЭВЕЛИНА (*вынимает из кармана лист бумаги*). Ты прислал мне это гнусное сердечко?

СВЕТЛАНА (*вынимает из кармана лист бумаги*). У меня такая же фигня!

ЛЕВ. Я вообще не заморачиваюсь по поводу писуллек всяких, ясно? Чтоб я сердечки малевал? Чушня! Я вообще рисовать не умею, чтоб вы знали.

ЭВЕЛИНА. Не, ну я подозревала, что любви нет, но, чтоб настолько! Хотя, конечно, сама дура: чего верить, когда мужик про любовь базарит?

СВЕТЛАНА. Левушка, она ведь парит специально, чтобы нас поссорить. Специально, ты хоть сечешь это?

ЭВЕЛИНА. А заодно, Левушка, расскажи этой крезанутой, куда ручонки свои пытаешься засунуть, как только меня видишь.

СВЕТЛАНА. Лев, ну, чего она парит напрасно?

ЛЕВ. Закрыть всем пасти! Достали!

ГАЛИНА (*СВЕТЛАНЕ*). Неужели ты не видишь, что он – идиот, бабник и потаскун. Вокруг столько нормальных парней, что ты в нем нашла?

СВЕТЛАНА. Кто это нормальный? Лешка? Или, может, ваш Малов? Извините, Галина Александровна, только вы – папы там, мамы – все учите нас, учите, а сами жить не умеет ни фига! Кто вам дал право учить нас, когда вы сами все такие несчастные?

ЛЕВ. Правильно! И подставу еще эту сделали... Вы же сделали, с Маловым вашим? Больше некому! Только на фига вам это? Чтобы надо мной поиздеваться? Я еще на кастинге заметил, что я вам не покатыл!

ГАЛИНА. Не покатыл – в смысле, не понравился? Господи, что вы с языком-то сделали?

СВЕТЛАНА. А вы – со страной.

ГАЛИНА. Так, все. Все успокоились. Сейчас я объясню, зачем мне все это надо. Только вы слушайте меня внимательно. Убеждена, мой рассказ вас сильно удивит.

ЛЕВ. Да ладно, чего вы сказать-то можете такого прикольного? Нет, вы извините, конечно, Галина Александровна, я понимаю, что вы – начальник, типа – работодатель... Но, знаете, если честно: я когда вас слушаю, я исхожу... Сказал бы, чем, но не буду... Потаскун... Слово-то какое гнилое придумали.

ЭВЕЛИНА. (ГАЛИНЕ). А что вы хотели нам сказать?

ЛЕВ. Ну, что, что она может нам втереть? Что мы – тупые, бессмысленные, прожигающие свою жизнь, козлы! Что она с Маловым нам сейчас специально и показала, чтобы всех унижить. Чего, скажите не так, Галина Александровна?

ГАЛИНА. Ну, в общем, - так.

ЛЕВ. А мне жизнь типа дали именно, чтобы я ее прожигал! Фигли мне еще с ней делать, раз уж она у меня есть?

ГАЛИНА. Ну, например, строить. Жизнь, Лев, еще можно строить, как это ни покажется вам странным... Впрочем, ладно... Я хочу вам, как вы элегантно выразились, втереть, то есть, сказать одну чрезвычайно интересную вещь, которая касается вас всех.

ЛЕВ. Нет, Светка, она правильно тут высказалась: фигли вы нас учите все время? Вы – пример, что ли? Вот вы строили, строили эту вашу жизнь – и чего получилось? Мы получились! Вы построили нас – бессмысленных козлов, прожигателей жизни. Я вот тут молчал, как брошенный окурок, а теперь хочу сказать, чтоб вы знали. Я прожигал свою жизнь, и дальше буду жечь ее красивым ярким светом, врубаетесь? Мне нравятся телк... то есть, бабы... ну, типа - женщины... И я буду их любить до той поры, как говорится, пока все мои системы функционируют нормально!

СВЕТЛАНА. Молчи, Левушка, что ты говоришь?

ЛЕВ. Правду! И ты, Светочка, прекрасно знаешь, что я люблю баб, этих телок, женщин я люблю! Да! (ГАЛИНЕ). Вы все время говорите, чтоб, как в суде: правду и ничего, кроме правды. Вот она правда: мужики любят баб, а бабы – мужиков. И все вокруг друг друга хотят! Все вокруг! И каждая – каждая из вас! – была бы не прочь со мной перепихнуться! И я бы тоже не возражал! Чё пасти-то позакрывали? Ага. Правильно. Против правды-то не попрешь!

СВЕТЛАНА подбегает ко ЛЬВУ и дает ему пощечину.

СВЕТЛАНА хочет убежать, но наталкивается на входящего АЛЕКСЕЯ.

СВЕТЛАНА отходит и начинает плакать, ЭВЕЛИНА ее успокаивает.

АЛЕКСЕЙ. За что вы его? Не смейте Левку обижать!

ЛЕВ. Тебя только не хватало, погань! Ненавижу таких, как ты! Исчезни отсюда, кобель!

АЛЕКСЕЙ. Почему вы все друг друга ненавидите? Почему вы друг друга напрягаете все время? Почему вы все такие злые?

ГАЛИНА. Послушайте, что я вам скажу. Это важно. Это, быть может, перевернет всю вашу жизнь. Да послушайте вы меня, наконец!

АЛЕКСЕЙ. Вот это зачем все? Зачем переворачивать жизнь? Почему вы так ненавидите жизнь, что вам непременно надо с ней что-нибудь делать?! Неужели нельзя просто жить – спокойно и по-доброму?

ЛЕВ. Перестань причитать! Исчезни отсюда, не до тебя!

АЛЕКСЕЙ. Как же? Почему? Я же – ничего. Я вот просто хочу понять: вот жизнь, она идет себе – и все. Зафрендиться с тем, кто тебе нравится, и жить. Почему нельзя? Почему?

ЛЕВ. Галина Александровна, что вы хотели сказать?

АЛЕКСЕЙ. Неужели тебе в лом ответить, Левушка? Просто ответить, и все? Неужели трудно?

ЛЕВ. Ответа ждешь, Лешенька кобелинный? Будет тебе ответ, как говорится, по полной программе!

ЛЕВ бьет АЛЕКСЕЯ.

АЛЕКСЕЙ падает, плачет.

ГАЛИНА. Так. Все – тихо. Тихо все стоят и внимательно меня слушают. Это очень важно. Очень. Перестали ныть, закончили размазывать сопли, превратились в слух. Итак, вы все, конечно, считаете, что находитесь здесь только для того, чтобы подготовить феерическое танцевальное шоу...

Вбегают МАЛОВ.

МАЛОВ. Отлично все было! Сработало даже лучше, чем я ожидал! Пощечина, потом удар в печень – чудесно. Так, так, так... Еще там чуток публицистики про отцов и детей в начале – чудно, чудно! Сейчас, что у нас будет?

ГАЛИНА. Сейчас, Иван Сергеевич, как это ни покажется вам неприятным, будет моя речь, которая...

МАЛОВ. Не, Галюнь, нет. Столько уже речей было – и с мордобоем, и без, пора делом заняться. Назначается репетиция! Все танцуют немедленно!

ЭВЕЛИНА. Шеф, с вами все в порядке? Сейчас – ночь, что за репетиция под луной?

МАЛОВ. Разговорчики в строю! Хватит трепаться! Работаем... По контракту вы обязаны начинать репетицию по моему первому требованию... (АЛЕКСЕЮ). Леша, давай, давай работай!

АЛЕКСЕЙ. Я устал, я не могу, я оскорблен, я...

МАЛОВ. Штраф, Лешенька, будет большой и денежный. Безусловный штраф в условных единицах.

АЛЕКСЕЙ медленно поднимается.

ГАЛИНА. И все-таки, прежде чем начнутся танцы, Иван Сергеевич, я должна сказать...

МАЛОВ. Тебе что – особое приглашение требуется? Ну-ка встала в строй со всеми! Тоже будешь плясать! Будешь теперь наравне со всеми. Мы все видели, что у тебя танцы хорошо получаются!

ГАЛИНА. Но я...

МАЛОВ. В строй, я сказал без разговоров!

Медленно, неохотно, но все, в том числе и ГАЛИНА, встают в строй.

Где, черт возьми, у вас включается музыка?

ГАЛИНА. Но я не знаю движений...

МАЛОВ. Выучишь!

АЛЕКСЕЙ включает музыку.

А где эти две заторможенные? Почему их до сих пор не позвали, черт возьми!

ЭВЕЛИНА. Видите ли, Иван Сергеевич, может быть, вы не в курсе, но это время суток называется «ночь», и его принято использовать для того, чтобы спать – одному или в компании – а вовсе не для того, чтобы устраивать пляски или...

МАЛОВ. А ну – заткнулась! Быстро позвать этих клуш! Быстро, я сказал.

Все уже готовы мчаться по приказу, но ЕЛЕНА и ОЛЬГА появляются сами. Вид имеют растерянный.

ЕЛЕНА держит газету.

МАЛОВ вырывает газету из рук.

Откуда это у вас?

ЕЛЕНА. Там этот человек... Ну, этот...

ОЛЬГА. Который еду приносит...

МАЛОВ. Чего это он среди ночи приперся?

ЕЛЕНА. А он сказал... Он сказал потому, что... Он...

ОЛЬГА. Он сказал, что днем охрана всех шманает, а ночью – не так строго. Он попросил на одной газете расписаться, а другую нам подарил... Иван Сергеевич, мы что-то не поняли: это что мы, что ли, тут в душе?

ГАЛИНА. Я тебе говорила, Вань, что сегодня это все раскроется. Оно и раскрылось. Бабы, товарищ Малов, никогда не ошибаются. В этом наша сила.

Все рассматривают газету.

МАЛОВ. Завтра же этот урод будет уволен...

ОЛЬГА. А он так и сказал... Меня, говорит, выгонят на фиг, конечно, но деньги, которые мне заплатят в журнале «Желток» за этот автограф и за

мой рассказ о том, как вы тут живете, сильно больше моей символической зарплаты.

МАЛОВ. Значит, я с ним разберусь по-другому. Вот из-за этих клерков все и рушится всегда... Не начальники все портят, блин, а клерки!

ЕЛЕНА. Иван Сергеевич, вы должны... как-то... ну это... типа объяснить, если честно.

ЛЕВ. Слава Богу, хоть меня на фотке нет.

ЭВЕЛИНА. Идиот! На этой нету, на других наверняка есть! Ты читать умеешь? Вот и читай, что тут написано. «Реалити-шоу, которое длится несколько недель...» Несколько недель, понял, козел! Сумасшедший успех... Рейтинг зашкаливает. Оглушительная удача Ивана Малова!.. Несколько европейских стран готовы закупить наше российское шоу «Подсмотренная жизнь»...

ОЛЬГА. Иван Сергеевич, у вас не возникает непреодолимого желания рассказать нам, что все это значит?

МАЛОВ. Галь, ты хотела очень рассказать. Давай, вещай, теперь что уж, теперь можно...

ГАЛИНА. С удовольствием. Все очень просто, дети мои. Вы были убеждены, что готовите новое танцевальное шоу. На самом же деле, все это время вы были участниками другого шоу – реалити-шоу «Подсмотренная жизнь».

СВЕТЛАНА. Какая жизнь?

ОЛЬГА. Какое шоу?

МАЛОВ. Давайте-ка, сюда отойдем, где нет камер, и я вам все объясню.

ГАЛИНА. Что тут объяснять, Вань? Разве в этой стране остался хотя бы один человек, который не знает, что такое реалити-шоу? Это жизнь, свидетелями которой становятся все.

ЛЕВ. То есть? Чего-то я не врубаюсь.

МАЛОВ. Повсюду в этом помещении натканы камеры. И все, что вы делали, сначала снималось, а потом показывалось по телевизору. Иногда были прямые включения.

ЕЛЕНА. И все, что мы делали в туалете?

ЭВЕЛИНА. И в душе?

СВЕТЛАНА. Все наши разговоры, все наши ссоры, всю нашу любовь, ревность, страдания наши видели все?

МАЛОВ. Да! Миллионы людей видели ваши куриные страдания и вашу недоделанную жизнь! И завидовали вам! Потому что эти миллионы эти только и мечтают о том, чтобы их собственную жизнь и их собственные страдания показали по телевизору.

АЛЕКСЕЙ. Иван Сергеевич, вы меня извините, конечно, но, мне кажется, это подло.

МАЛОВ. Да? И в чем же моя подлость, Лешенька? В том, что из никому неизвестных танцовщиков я сделал звезд? Когда все это кончится, вы по улице пройти спокойно не сможете: за вами будут валить толпы поклонников.

ЭВЕЛИНА. Да нефигово все, нормально. Это ж по телеку – каждый день!

МАЛОВ. Два раза в день. Не считая новостных программ, куда вы тоже попали.

ЭВЕЛИНА. Супер. С душем, я, конечно, лопухнулась: привычка дурная. Ну, ничего – переживем.

ОЛЬГА. Дайте телефон, мне надо позвонить...

ЛЕВ. Нет, все-таки какой-то подвох во всем этом есть. Не врублюсь пока – какой конкретно. Но в целом – нормально.

СВЕТЛАНА. Вы – подонок! Вы поступили мерзко! Я...

МАЛОВ. Успокойте ее... Не надо оскорблять меня и говорить, что я, мол, просто поступил мерзко. Я поступил не просто мерзко, но изысканно мерзко. Простой мерзостью сегодня никого не удивишь, пришлось придумать изысканную. Для вашей же, между прочим, пользы, славы и денег!

СВЕТЛАНА. Я немедленно уйду отсюда и подаю на вас в суд!

АЛЕКСЕЙ. Я с тобой. Там, где есть неправда, – не может быть искусства, ясно вам?

ЕЛЕНА. Телефон дайте. Мне необходимо позвонить дочери.

ЛЕВ. А мне кажется, все нормально. Чем я больше думаю про это, тем более классной кажется мне история. Иван Сергеевич, тут со Светкой пару раз... это самое... в душе. Это что, тоже все видели?

МАЛОВ. Да! Да, кстати, тут кто-то хотел уйти? Не задерживаю. Только хочу заметить, что в контрактах, которые вы подписали добровольно – я подчеркиваю: добровольно, и тому есть свидетели, - записано. Первое. Вы не возражаете против того, чтобы в помещении велась съемка. Второе. В случае вашего отказа участвовать в реалити-шоу по любой причине, включая болезнь, вы обязуетесь выплатить неустойку в размере ста тысяч евро.

АЛЕКСЕЙ. Сколько?

МАЛОВ. У меня что-то с речью или у вас – со слухом?

АЛЕКСЕЙ. Но это же подлость, это обман!

МАЛОВ. Почему же? Когда же это я вам врал? Просто вам настолько понравилась сумма гонорара, указанная в контракте, что вы даже не удосужились прочитать документ целиком. Никакого обмана. Как в церкви.

ОЛЬГА. Господи, как я объясню это своей маме? Мне надо срочно позвонить.

ЕЛЕНА. И мне... Моя Ирка, что она мне скажет?

ГАЛИНА. Да поймите же вы: теперь каждый день, каждую минутку вы должны благодарить Бога за то, что Он свел вас с гением! Малов – гений! Разве не мечтали вы о славе, о сотнях, тысячах поклонниках! Разве не мечтали о том, чтобы ваши дурацкие рожи были известны всем в этой стране? Иван Сергеевич дал вам это, замечу, просто так, абсолютно ничего не требуя взамен. Он сделал вам судьбу! Он принес вам богатство!

СВЕТЛАНА. Как вам не стыдно?! Неужели вы не понимаете, что это низко?

ГАЛИНА. А популярность – она вообще не для птиц, это низкое дело. Низкое, но очень притягательное. Вы ее искали, и вы ее нашли.

СВЕТЛАНА. Но мы же люди, живые люди! С нами же нельзя так поступать!

МАЛОВ. Вы? Живые люди? Может быть... Только при чем тут это?

ЕЛЕНА. Я должна позвонить своей Ирке.

АЛЕКСЕЙ. Разве можно становиться знаменитым, благодаря гадости и гнусности?

МАЛОВ. Стать знаменитым, благодаря гадости, гнусности и пошлости – это нормальный путь для современного артиста. Ты что, Лешенька, впервые об этом услышал?

ЛЕВ. Все, вроде, четко... Пиар... Слава... Хорошо... Вроде...

ЭВЕЛИНА. А мне нравится... Нормально... Слава, деньги, - и без напруга. Иван Сергеевич, я надеюсь, наше шоу будет продолжаться?

МАЛОВ. Об этом мы сейчас поговорим отдельно, потому что новая ситуация потребует от вас иного актерского мастерства. Надеюсь, вы справитесь.

ЛЕВ. Не вопрос. Мы реально будем делать вид, что не знаем про камеры. Какие проблемы?

СВЕТЛАНА. Левушка, как ты только можешь так говорить? Вы что совсем не люди? Ну, что-то же человеческое в вас должно остаться? Хоть что-нибудь? Вы же закладываете душу дьяволу за деньги!

ОЛЬГА. Маме можно наконец позвонить?

МАЛОВ. Боже Мой, Света, какие слова! Мне кажется, вы читали в детстве слишком серьезные книжки. Если под дьяволом вы имеете в виду телевидение, то ему свои души уже давно заложило все народонаселение нашей, по-прежнему не маленькой страны.

ОЛЬГА. Блин, мне кто-нибудь даст позвонить или нет?!

ЕЛЕНА. И мне.

МАЛОВ. Галь, пусть позвонят. Теперь-то уж что...

ГАЛИНА дает телефон ОЛЬГЕ.

ОЛЬГА. Странно... Никто не берет трубку...

ЕЛЕНА. Ночь поздняя. Твоя мама давно спит. Дай мне. (*Берет телефон у ОЛЬГИ*).

ОЛЬГА. Странно, но мама никогда не выключает телефон.

ЕЛЕНА (*в трубку*). Алле! Ирочка, доченька, это ты? Извини, что будила.

Затемнение.

Детский голос звучит из темноты.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Алло! Алло! Мамочка! Как хорошо, что ты позвонила! Ты меня не будила, я не сплю совсем!

ЕЛЕНА. Ирочка, ты заболела, если честно? Почему ты не спишь?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Как! Мы же тебя смотрим всем классом! Каждую ночь!

ЕЛЕНА. А школа как же? Ты же не высыпаясь?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. А меня теперь к доске почти не вызывают, потому что я же теперь – дочь звезды! Я горжусь тобой, мама! Я твоими фотографиями из газеты, - ну, где ты в душе, - всю комнату обклеила. И еще знаешь... Сережка... Ну, помнишь, я тебе говорила? На меня вообще внимания не обращал, а теперь говорит, что я – почти, как звезда и портфель мой носит. И это все ты, мамочка! Спасибо тебе!

ЕЛЕНА. Ты не волнуйся: скоро здесь все закончится, и я буду дома.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Мамуль, ты не торопись, не торопись. Ты там делай, что тебе надо, а я буду тобой гордиться.

МАЛОВ. Скажите, чтобы она никому не говорила о вашем разговоре! Скажите немедленно...

ЕЛЕНА. Доченька... Ты это... Ты не говори никому, что я тебе звонила, хорошо?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Конечно, мамочка, что я не понимаю? А ты здорово там играешь! Я горжусь тобой...

Короткие гудки.

МАЛОВ. Вот все и устроилось...

ОЛЬГА. Я не дозвонилась маме.

МАЛОВ. Утром дозвонишься. Подчеркиваю: в порядке исключения. Связь с домашними по-прежнему категорически запрещена. Итак, мы должны понять, как будет продолжаться шоу дальше. Первый вопрос: есть ли среди вас те, кто хочет уйти, заплатив неустойку в сто тысяч евро? Подчеркиваю: дело добровольное. Если кто-то хочет уйти – не держу.

ЛЕВ. Дураков нет.

ЭВЕЛИНА. И дур.

СВЕТЛАНА (*тихо напевает*).

А я про все на свете с тобою забываю,
А я в любовь, как в омут, бросаюсь с головой,
А ты – такой холодный, как айсберг в океане,
И все твои печали над темною водой...

ЛЕВ. Светка, что с тобой?

СВЕТЛАНА. Со мной? Со мной все в порядке... Мне кажется, это с вами со всеми что-то случилось... Что с вами такое случилось, а?

МАЛОВ. Галина Александровна, уведите ее в спальню, дайте успокоительное. Мне кажется, она излишне перенервничала. Пройдет.

СВЕТЛАНА. Вы что-то путаете, Иван Сергеевич... Вы все время что-то путаете, Иван Сергеевич... Иван Сергеевич, как там Муму? Мне не плохо, мне как раз очень хорошо! Хорошо, как никогда...

ЛЕВ. Светка, не дури!

СВЕТЛАНА. Я абсолютно спокойна... Абсолютно... «Подсмотренная жизнь» - как это современно, не правда ли? Но ведь ее надо режиссировать подсмотренную жизнь, не так ли, Иван Сергеевич? Чтоб зритель не заскучал... А мы теперь вам будем помогать, правда же, ребята? Давайте все вместе прикинем что-нибудь эдакое, чтобы зритель совсем крезанулся. *(Льву)*. Слушай, а давай прям здесь и сейчас займемся любовью... Впрочем, нет, любовь – это как раз то, чем ты совершенно не умеешь заниматься. Тебе нужен секс. Отлично! Давайте займемся сексом здесь прямо втроем... Вчетвером... И вы, Галина Александровна, участвуйте! То-то рейтинг будет! Чего испугались? Если любви нет – тогда все позволено! *(Льву)*. Как же я могла в тебя влюбиться! Нет, недаром говорят: любовь зла – и козлы этим пользуются... Скучные вы, уйду я от вас.

ЛЕВ. Отсюда нельзя уйти, ты же слышала: сто тысяч евро.

СВЕТЛАНА. А я уйду... *(Льву)*. Ты, конечно, порядочный козел, но с тобой было так хорошо... И еще – этот футбол по вечерам. *(Уходит)*.

МАЛОВ. Галь, пригляди за ней и дай обязательно успокоительное.

ГАЛИНА уходит.

АЛЕКСЕЙ (МАЛОВУ). Вы довели человека до истерики, до сумасшествия! Я ненавижу вас, и хочу, чтобы вы это знали! Такие, как вы, сделали наше искусство пошлым и отвратительным. Я должен вам это сказать, должен!

МАЛОВ. Алексей, вы хотите нас покинуть?

АЛЕКСЕЙ. Я не могу вас покинуть, и вы это прекрасно знаете!

МАЛОВ. Тогда сядь и делай, что я тебе сказал! За эту речь я сниму с тебя деньги. Как и обещал: безусловный штраф в условных единицах.

АЛЕКСЕЙ. Вы не имеете права!

МАЛОВ. Имею. Я действую строго в рамках подписанного договора. Подписанного вами. Какие еще ко мне вопросы?

ЛЕВ. Нет, все нормально... Только все-таки есть тут какой-то подвох. Но вот какой именно – не могу врубиться.

Входит ГАЛИНА.

МАЛОВ. Подвох в вас самих. А может, во всех нас – подвох. Но это не имеет никакого отношения к делу. (*ГАЛИНЕ*). Как девочка?

ГАЛИНА. Уснула. Успокоительное пить не стала. Сказала: «Я знаю, что вы меня хотите отравить». Уснула сама.

МАЛОВ. Ничего, выспится, и все будет в порядке. Итак, ситуация изменилась. Но заканчивать шоу сейчас глупо. Поэтому вы теперь все становитесь актерами...

ЕЛЕНА. Не, ну, если честно: я не понимаю. Как, например, ходить в туалет, если знаешь, что там камеры.

ЭВЕЛИНА. И в душ тоже... Как теперь?

ОЛЬГА. Да ладно выступать! Чего ты там такого делала, чего в порнухе не показывают? Нормально все, Иван Сергеевич, не заморачивайтесь. Все сделаем, как надо.

МАЛОВ. Вот и славно трам-пам-пам... Алексей, у вас есть вопросы? Видите, и у Алексея уже нет вопросов... Итак, что же нам предстоит, друзья мои? Ничего, если я буду так вас называть?

Раздается крик.

В глубине сцены на веревке раскачивается тело СВЕТЛАНЫ.

ГАЛИНА. Этого не может быть! Нет!

МАЛОВ (*ГАЛИНЕ*). Это ты не доглядела, дура! Ты! Просил же... Как же так? Ты понимаешь, что это – суд, тюрьма? Прекратите снимать! Третий, я первый! Приказываю: прекратить снимать! Господи, где ж это камеры-то, я уже не помню, куда их спрятали...

ГАЛИНА. Возьми себя в руки! Мы докажем, что она была сумасшедшая. (*Всем*). Она была сумасшедшая, слышите? Вы все будете выступать свидетелями того, что она сошла с ума.

Народ безмолвствует.

МАЛОВ. Ну, где эти камеры! Всем прекратить съемку! Это приказ! Третий, третий, немедленно прекратите!

Входит СВЕТЛАНА.

СВЕТЛАНА. Зачем же вы прекратили снимать, Иван Сергеевич? Такие эффектные кадры! Так подняли бы рейтинг... А вы...

МАЛОВ бежит к «повешенной».

МАЛОВ. Она надела пижаму на огромного мишку. Какая дура притащила сюда эту игрушку?

ЕЛЕНА. Если честно, я. Но я же не знала...

ГАЛИНА. Светочка, как вы нас напугали...

ГАЛИНА хочет еще что-то сказать, но у нее звонит телефон.

ГАЛИНА отходит, говорит по телефону.

Все окружают СВЕТЛАНУ.

Слышны отдельные выкрики:

- Ну, ты даешь!

- Вот это да!

- Мы так испугались!

- А здорово ты этого МАЛОВА.

МАЛОВ. Светлана, вы меня удивили. Признаюсь, это приятное удивление. Мне нравятся такие сильные натуры, как ваша.

СВЕТЛАНА. Шоу продолжается, Иван Сергеевич. Но, я думаю, мы все вправе потребовать пересмотра наших гонораров.

МАЛОВ. С какого перепугу?

СВЕТЛАНА. Задачи-то усложнились. А, ребят?

Все одобрительно шумят.

ГАЛИНА. Вань, можно на два слова? Так сказать, приватно...

МАЛОВ отходит к ГАЛИНЕ.

МАЛОВ. Светлану придется уволить. Еще не хватало, чтобы у этой банды появился лидер.

ГАЛИНА. Ольгаина мама умерла.

МАЛОВ. Самоубийство?

ГАЛИНА. Нет. От нее долго скрывали это шоу: газет она не читает, а за тем, чтобы она не увидела чего не надо по телевизору, - следила сиделка. Но ты, Малов, попал на все каналы. Мать Ольги посмотрела на все это, сказала: «Моя дочь утверждала, что занимается искусством. Но, если то, что она делает, называется искусством, то мне здесь незачем оставаться». И умерла.

МАЛОВ. Как это умерла, когда у нас все в разгаре?

ГАЛИНА. Уснула и не проснулась. Завтра – похороны.

МАЛОВ. Понятно. Никому ни слова. Особенно – Ольге!

ГАЛИНА. Но завтра – похороны! Это ее мать!

МАЛОВ. Не ори сказал!

АЛЕКСЕЙ. Что-то случилось?

МАЛОВ. Случилось... Да... Случилось... Только что мне позвонили...И сказали... Мне сказали, что рейтинг нашей программы вырос еще больше! И мы не будем ее прекращать, правда? Мы ведь любим наших зрителей! Давайте крикнем им прямо в камеры: «Дорогие зрители! Мы любим вас! Мы все делаем для вас и ради вас!»

Все кричат.

Наше шоу дарит вам хорошее настроение и уверенность в завтрашнем дне! Наше шоу прекрасно, и оно вечно! Шоу «Подсмотренная жизнь» продолжается! Шоу не кончается никогда! Наше шоу – шоу навсегда! И сейчас мы... Сейчас мы все... Станцуем для вас... Для наших зрителей этого шоу навсегда... Мы – с вами.... А вы – с нами... Алешенька, распорядись!

Начинается страстный, темпераментный танец.

Танцуют все, даже МАЛОВ.

Только музыки нет.

Красивый, страстный танец в тишине.

К О Н Е Ц